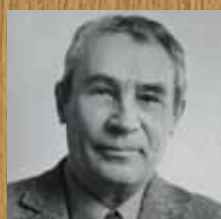

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

Выпуск студенческой «Академической газеты» за май 2015 года посвящен 70-летию со дня Победы в Великой Отечественной войне

МЫ ПОМНИМ ВАШИ ИМЕНА!

УЧАСТНИКИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.
(Доска почета Института имени И. Е. Репина)

ВАЛЬЦЕВ В. Г.

ТРУФАНОВ М. П.

БОЙТМАН Ю. К.

ЛАВРЕНКО Б. М.

РОДИОНОВ В. Я.

ЗВОНЦОВ В. М.

ВЕТРОГОНСКИЙ В. А.

АНИКУШИН М. К.

СОКОЛОВ В. Н.

ДАШКИН Х. Ш.

ПАНФИЛОВ П. Ф.

СОКОЛОВ А. К.

НЕПРИНЦЕВ Ю. М.

ГИЖА Н. А.

САТИН М. С.

ФОМИН П. Т.

СТАРОВ В. Г.

ЕРЕМЕЕВ О. А.

РАЗДРОГИН И. А.

УГАРОВ Б. С.

ШТРИМЕР М. А.

ЖУК А. В.

СТЕПАНОВ Г. П.

ЗАЙЦЕВ А. Д.

ПРИБУЛЬСКИЙ А. И.

В стенах нашей Академии (Института имени И. Е. Репина) помимо доски почета участников Великой Отечественной войны есть ещё один памятник, посвященный студентам и сотрудникам, погибшим на фронте, он представляет собой мраморные доски, на которых увековечены имена этих людей. Мы видим эти доски с именами при входе в здание Академии, они стали неотъемлемой частью интерьера здания.

Эти доски – плод многолетней подвижнической работы Анны Максимовны Смирновой (1899–1973 гг.), которую называли «живой летописью» Академии. Она знала в лицо и помнила студентов многих поколений, по-матерински болела за судьбу каждого. После окончания войны главной целью её жизни стал поиск сведений «о наших мальчиках и девочках», о преподавателях, погибших на фронтах Великой Отечественной и в осажденном городе.

Сведения об А. М. Смирновой взяты
из статьи И. В. СЕЛИВАНОВОЙ

СПАСИБО!

Люди, живущие в нашей стране, в каждом миге своего мирного существования испытывают благодарность к тем, чья сила и воля дали возможность всем нам вдыхать воздух Свободы.

Все те, кто столкнулся с адом войны, жили в нем, боролись за каждый день, настоящий и будущий – сегодняшний день, сделали для нас его мирным ценой боли и смерти. Мы, живущие сегодня, говорим «Спасибо» людям, стоящим за словом «Победа», тем, кто смог его услышать в мае 1945-го и тем, кто так и не дожил до этого дня.

СПАСИБО! МЫ БЕЗМЕРНО БЛАГОДАРНЫ ВАМ!

*Мир наступит, землю согревая,
Унося артиллерийский дым...
Все, что мы сейчас переживаем,
Мы воспоминаньям отдадим.*

*Мы пойдем путем подразделений
За воспоминаниями вслед,
Вспомним горечь первых отступлений,
Сладость завоеванных побед.*

*И сквозь годы память, как начальник,
Снова поведет нас за собой,
Пробираясь темными ногами
Темной партизанскою тропой.*

*Вспомним, как мы время измеряли
По движенью пулеметных лент,
Как в бою друг друга не теряли
Комиссар, боец, корреспондент.*

*Как в окопе боевые сутки
Проводили взводом сообщая,
Как кипящий круглый репродуктор
Имена героев сообщал.*

*В этом шле пушечных раскатов
Никогда не забывайте их,
Навсегда на сердце отпечатав
Имена погибших и живых.*

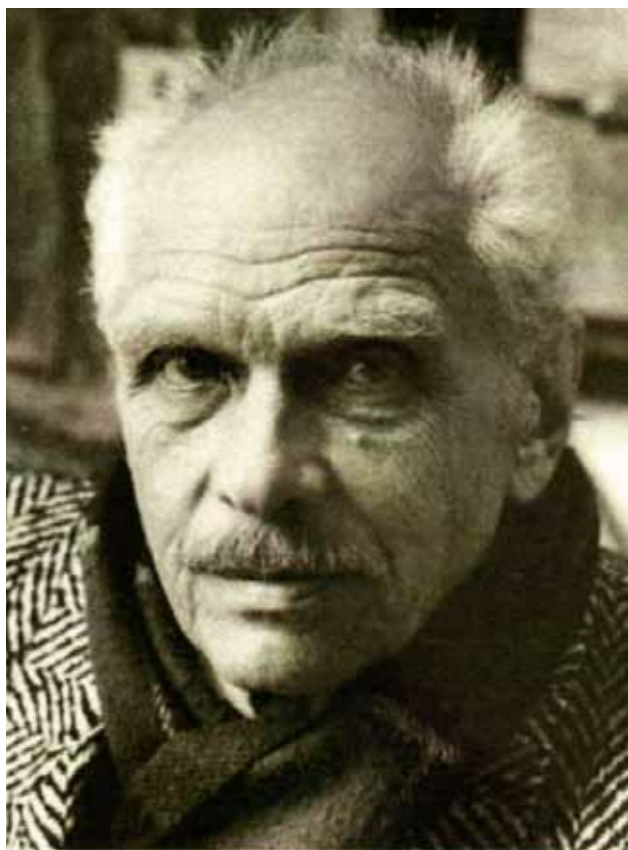
*И чтоб лучше видеть это время,
Все пространство пройденных путей,
Соберите молодое племя,
Поднимите на руки детей,*

*Чтоб они, войдя веселым строем
В наши завоеванные дни,
Научились подражать героям,
Поступали так же, как они!*

М. Светлов, 1943

В Институте имени И. Е. Репина, к нашей радости, есть те люди, которые воевали за нас и сегодня мы можем поблагодарить их лично.

ОЛЕГ АРКАДЬЕВИЧ ЕРЕМЕЕВ

Олег Аркадьевич – профессор, академик, действительный член РАХ, РАЕН, Народный художник РФ, награжден орденами: Знак Почета, Дружбы, Отечественной войны II степени, За служение искусству (дважды), Золотой и Серебряной медалями Российской академии художеств, ветеран Великой Отечественной войны.

Олег Аркадьевич родился 28 сентября 1922 года в Петрограде в семье служащего и домохозяйки. Желание рисовать появилось еще в детстве, тогда и были созданы первые рисунки. Через некоторое время молодой талант поступает в художественное училище, много работает, пишет, делает зарисовки. Так было 3 года. А потом наступила война. Совсем юный Олег Еремеев пошел воевать, как и большинство юношей, мужчин. Время наступило суровое и не располагающее к рисованию и приобщению к миру искусства. В далеких от Ленинграда городах было одно слово – долг. Все думали лишь об одном – о спасении великой России. Все происходящее постепенно превращало молодых людей в настоящих мужчин. На них взвалилась боль-

шая ответственность за себя, за взвод, за страну. К тому времени у Олега Еремеева осталась только одна мать, которая выживала в окруженном фашистами Ленинграде. Она героически выстояла это тяжелое испытание и встретила сына с войны. В эти сложные для всей страны военные годы происходила закалка будущего художника (которая очень помогла ему в будущем на административных постах в Академии художеств).

Воспоминания

...Запомнился первый месяц, проведенный в Красном Селе, в кирпичных казармах, где сержант Колпиков, командовавший нами, старался «выбить» из нас всю «гражданку» и постепенно превратить нас в людей военных, что было и не просто им, недостаточно образованным младшим командирам, чувствующавшим в чем-то свои преимущества – в основном – возрастные и опыт службы в армии. Но мы-то, курсанты, почти все были ленинградцы, и это понятие ёмкое и многозначительное, да большинство из нас имело, как правило, образование в объеме среднего.

Курсантские будни следовали друг за другом. Командование стремилось за срок, отведенный для подготовки, из нас – молодых людей, ранее мечтавших о счастливой жизни в любимой профессии, – воспитать будущих командиров, которые могли бы стать примером для любого, кто надевал защитную форму и был готов защищать Родину. Кажется, что климатические условия Сибири, помноженные на уплотненную подготовку во всех областях знаний будущих командиров, как нельзя лучше отвечали этому. Конечно, из нас готовили физически выносливых командиров, могущих стать примером для потенциальных солдат. Вспоминаю, как готовился к многокилометровому лыжному пробегу. Тогда казалось, что для этого испытания должно получить и соответствующую подпитку. В тех суровых условиях я располагал только сахаром, который, как мне казалось, мог быть добавочным пайком во время предстоящего физического испытания. Я стал ежедневно экономить часть этого ценного продукта. И вот, где-то на дистанции, когда силы оставляли меня, я повисал на лыжных палках, брал сахарный песок из железной баночки, получая вкусовое удовлетворение; и чувствуя, что у меня открывается «второе» дыхание, двигался дальше, к финишу.

Наконец, поезд доставил нас в Красноводск. Это была конечная станция. Впереди – водный

путь через Каспийское море. Здесь мы впервые ощутили «прелести» тыловых вокзалов военного времени, через которые люди перемещались по своим, а то и по казённым делам. Залы ожидания кишели людьми спящими, ждущими своей судьбы. Все куда-то стремились. Тут, в Красноводске, увидел эвакуированных из Ленинграда – на меня пахнуло чем-то родным. Запомнился спящий мужчина с открытым ртом, который был черным. Как оказалось – от мух! И только когда что-то беспокоило спящего и он шевелился, мухи разлетались, ожидая, когда вновь можно будет «приземлиться». Человек этот, его поза напомнили мне фигуру из «Медного Змия» Бруни, лежащую на переднем плане.

Преодолев успешно на какой-то посудине Каспийское море, мы прибыли в Баку, в земле которого таилась нефть, так нужная современной войне. Танки, самолёты, автомашины – эта война стала войной моторов. Бакинская армия ПВО охраняла нефтяные скважины от налётов вражеской авиации. В одно из подразделений армии в землянку командира прожекторного батальона майора Приставки прибыли совсем молодые офицеры из далекого сибирского Омска. Майор принял нас сидя, сообщив при этом первом свидании с будущими командирами взводов, учитывая нашу молодость, что в подчинении нашем будут и девушки, прибавив, чтоб мы были «с этим делом не очень». В дальнейшем мы не раз вспоминали правоту нашего комбата...

После общения с майором Приставкой прибыл я на ж/д станцию Хурдалан, а затем – в село Коби, на гористых сопках которого располагался командный пункт моего взвода Действующей Бакинской армии противовоздушной обороны. Вступив в командование, я стал отвечать по законам военного времени за всё: за красноармейцев и младших командиров, за ценную технику, которая отныне была в моем распоряжении, и за выполнение боевой задачи. Ведь война. Тут и особенности национального характера людей, их возраста, пола. Среди подчиненных были азербайджанцы: сержант Али Азис оглы – высокий плотный лысеющий мужчина; Наврузов – рядовой, худощавый, сутулый, казалось, что обмундирование любого размера ему велико; Фаниева – телефонистка, невысокого роста с крупной, довольно красивой головой и большими темными глазами; были и армяне: Седа Масесова, Нина Аванесова – подвижная девушка с озорными глазами; еврейка Капланская. И, наконец, русские. Среди моих подчиненных были, как мне казалось, «старики» – те, которым за 30. Мне-то в том году было 20. Таков был личный состав, который в конце 1942 года поступил в мое подчинение. С их помощью я должен был выполнять боевые задачи в составе огромной армии, защищающей страну по всему фронту. Он – враг – был на земле, в воде и воздухе. Последний – воздух – был на нашей ответственности.

...По прошествии нескольких десятилетий мне вновь довелось быть на Бакинских землях. В 1981 году Академия художеств проводила очередное расширенное заседание, в это время все художественные институты Советского Союза привозили свои лучшие курсовые и дипломные работы, которые экспонировались в выставочных залах. Это был учебно-методический смотр лучшего, что создано за последние 2–3 года. Подобные смотры предоставляли возможность нам, педагогам вузов, встретиться и с друзьями-художниками, и со своими бывшими учениками. Баку не стал исключением. Мое волнение было особым, – ведь кусочек военной жизни связан с этим городом, и я лелеял мечту побывать в тех местах, где 43-й год был отдельной страницей моей военной судьбы.

Вспоминаю уже написанное о войне, и как-то не всплывают в памяти человеческие переживания, связанные с самочувствием ее участников, болезнями, хворями, которые терзают подчас какими-то трудно управляемыми и трудно предсказуемыми состояниями человеческий организм. Сколько написано о ленинградской блокаде, о жизни людей, уходе их из жизни. Но даже участники ее говорят, что в то экстремальное время все болезни как бы ушли в прошлое, остались там, за пределами начала войны. Я верю в это.

В той неразберихе, после депортации, в Грозном двое моих солдат (так теперь стали на-

зывать красноармейцев после реформы 1943 года форменной одежды военнослужащих), Логинов и Сухненко, смогли приручить чеченскую собаку к нашему небольшому воинскому хозяйству – взводу. О ней, о судьбе кавказской лайки Майры хочу рассказать. Одичавшая собака не сразу далась в руки своим спасителям. Но человек всё же победил – животное было посажено на цепь и инстинктивно выполняло свои собачьи обязанности, лая на всякого проходящего мимо нее. Но, как говорится, голод – не тётка, и собака наша изредка даже приветливо виляла хвостом. Однако служба, воинский долг – главное для солдата. И собачка наша, получившая кличку Майра, помогала выполнять его, особенно ночью, когда по тревоге весь личный состав занимал места возле боевой техники. Источником энергии являлся генератор, находившийся в 180 метрах от основной станции, и водитель машины ЗИСа, тот самый Логинов, бежал, сломя голову, эти десятки метров, торопясь за считанные минуты и секунды привести в боевое состояние свою машину и дать так необходимую электрическую энергию. И конечно, собака, честно несущая свою собачью службу, инстинктивно считала Логинова своим главным врагом, нарушающим ночной покой. Вот таковы были экстремальные особенности жизни этой собаки. При переездах по железной дороге Майра постоянно облаивала всех проходящих мимо платформы – и своих, и чужих. Майра была сильным животным, выросшим в природных условиях предгорий Кавказа (среди непокорного, свободолюбивого народа), что естественно способствовало гармоничному развитию зверя. Она была способна даже перегрызать звенья цепи, которая удерживала ее на привязи. Тогда она, почувствовав свободу и независимость, обращалась к стихийным возможностям безудержно, до изнеможения, ощущая себя, очевидно, диким животным, пока, обессилев, не валилась с ног и давала вновь приковать себя цепью. Так Майра прошла с нами путь из Грозного через Румынию до Чехословакии, до Победы, в приветливое безмятежное лето 45-го.

Однажды коварная собака, освободившись от цепных оков, выбрала момент, чтобы броситься на своего врага – Логинова, который, воспользовавшись теплой погодой, обнажив свой торс, что-то ремонтировал возле машины рядом с затаившейся собакой, не сводившей глаз с солдата. Неожиданно она кинулась на него и со всей злостью вцепилась в его обнаженное плечо. Подоспевший Сухненко двумя автоматными очередями положил конец этой неравной схватке животного с человеком... Так завершила свой жизненный путь чеченская собака Майра.

Как-то глубокой осенью распространился слух, что советский часовой утром убил корову, принадлежавшую румынскому крестьянину. Этот случай при наших особых отношениях

с румынским государством принял оборот чрезвычайный. В то время, в последние месяцы войны, в боях люди гибли тысячами, а тут – корова (!). Как показало расследование, часовой, действующий строго по правилам Устава, трижды окрикивал движущийся на него в тумане предмет, оказавшийся коровой, продолжавшей идти на человека и, естественно, не подчинявшейся его командам. В тот же день на место происшествия прибыл полковник Потоцкий, бывший начальник нашего эвакуированного в Омск училища. Очевидно, он, так же как и я, передвигался по той же военной орбите – судьбе... Выслушав об обстоятельствах происшедшего, он произнёс всего несколько слов: «Хорошо, что метко стреляют...».

Не помню, как мы оказались после Румынии в Чехословакии. Это было накануне Победы. В то время в городе Кошице была резиденция Президента Чехословакии Бенеша, которого, конечно же, и в те суровые военные времена необходимо было охранять от возможных случайностей. Очевидно, и мы были причастны к этой миссии. Одно из моих писем, которое обнаружил в своем архиве, датировано 8 мая. В нём я писал, что война вот-вот закончится, а чешские газеты уже сообщили, что победный акт подписан. И это была правда. Почему-то «сарафанное радио» раньше официального разглашало новости. В Чехословакии контакты с местным населением были чаще дружественными. Помню одного молодого человека, с которым общался, он и сообщил о Победе еще накануне. С ним, этим парнем, память удерживает еще один факт: впервые я увидел купюру одного доллара, который он подарил мне. Эта банкнота положила начало коллекционированию мною иностранных монет. Оно не стало серьезным увлечением. Но от случая к случаю я сохранял разные монеты, остающиеся от пребывания в некоторых странах тогда, на завершающем этапе войны, да и позже, – бывая за границей.

Наконец долго ожидаемая Победа настала. Это было всеобщее ликование и, конечно, мы, частичка страны на чужой территории, тоже были счастливы. Кругом солдаты беспорядочно стреляли в воздух, по-своему выражая радость, салютуя долгожданной Победе. А мой старший сержант Рожков, находящийся на другой станции в нескольких километрах от меня, обалдевший от возможности выразить свои чувства свободно, без команды, позвонил мне по телефону и проорал в трубку: «Это мы за Вас стреляем, товарищ командир...!», и я услышал автоматную очередь...

Весна 45-го года была удивительной. Это была победная весна, с ее теплым солнышком, каким-то уютом и благодатью, в окружении доброжелательных славянских людей, проживающих там, где застало меня окончание войны. Природа и все обстоятельства как бы подумали о том, чтобы всё, сопутствующее ПОБЕДЕ, было таковым. День Победы стал великим праздником, как поётся в из-

вестной песне – «со слезами на глазах». Огромное большинство стремилось вернуться в родной дом – в деревню или, как я, в город. Но были и такие, которые задумывались о своем будущем, и подчас оно представлялось не столь радостным. Были среди нас капитаны, лейтенанты, которые по всем параметрам должны вернуться к мирной жизни, но каково его место в ней, кем он может стать, привыкший здесь, что каждый, меньше его по званию, отдавал честь ему, подчинялся. А в «гражданке» это еще надо заслужить. В мирную жизнь входили не только 20–25-летние, но и 40–45-ти. Эти за 4 года привыкли быть правыми, хотя им приходилось и решения брать на себя.

Вскоре моя судьба была решена, и я был направлен в свою же часть, возвращающуюся из-за границы. Так я оказался в городе Сталино (сейчас Донецк). После годового пребывания за рубежом – в Румынии и Чехословакии – здесь снимал жильё в частном секторе на ул. Ср. Ларинка. Запомнилась скудость советского житья и терриконы, отличавшие городской пейзаж...

Как-то на глаза попала газета – кажется, «Комсомольская правда» – со статьёй прославленного лётчика, Героя Советского Союза М. М. Громова. Фраза из этой статьи запала в голову, внесла в сознание решительность: «Каждый человек может добиться осуществления своей мечты в жизни...». Эта фраза осветила, как молния, и повернула стрелку моего самосознания на «демобилизацию». Я, решив действовать, почему-то написал высшему лицу государства (его иногда в шутку называли президентом – формально он таковым и являлся, а простой народ – Всесоюзным старостой) – Председателю Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинину (Верховный Совет – это законодательная власть). И, может быть, потому я адресовал ему то письмо, излагавшее мою аргументированную просьбу. Это было в январе 1946 года. Стал ждать. Через месяц пришел ответ из приемной М. Калинина, уведомляющий о получении моего письма...

Самым ярким впечатлением весны 1946 года на фоне рутинной военной службы стал отпуск, долгожданный отпуск (!), когда свиделся с Ленинградом, родными, со встречавшей меня на Московском вокзале матерью, о чем мечталось все военные годы. Свидетели тому – мои письма, аккуратно перевязанные голубой ленточкой в хронологическом порядке, сохранившиеся в материнском архиве.

Оказавшись в родном городе, кроме всех общечеловеческих радостей, сильно беспокоило меня будущее. Ведь отпуск был репетицией гражданской жизни. Посетил Академию художеств, где в парадных залах размещалась выставка дипломных работ окончивших недавно этот «светоч» искусства (не знаю, как тогда назывался Институт). Среди экспонатов запомнились работы А. Мыльникова и В. Соколова. Это посещение еще

больше укрепило мой выбор: здесь почувствовал, что в душе я не воин, а художник...

В военные годы я как бы забыл, что я художник. Не брал в руки даже карандаш, чтобы что-то изобразить. Да и мысли такой не было – не было времени подумать о том. Был в уже поверженном Будапеште, который теперь славен своими коллекциями выдающихся художников мира. В этом городе тогда увидел Дунай, но не он поразил меня. В моем родном Ленинграде так же не спеша текла Нева, украшая город. В том Будапеште поразили меня мосты – все мосты лежали в воде, которые вновь увидел через десятилетия прекрасными, соединяющими Пешт и Буду. В памяти сохранились картины, характеризующие то время, ту военную обстановку. Вот еще одна картина – не картинка. Возвращаясь из-за границы в резерв, на одной железнодорожной станции увидел у ступеней моего открытого вагона женщину в запахнутом пальто, держащую за руку ребенка – дошкольника. Что-то сказала на своем непонятном языке. Видя, что её слова не произвели впечатления, в доказательство она распахнула пальто, и я увидел смуглое тело женщины-южанки. Это тоже была картина, которая запала в память навсегда. Здесь зарисовку, набросок сделать не успеешь. Позже такую женщину видел на холсте Р. Гуттузо «Римлянка»...

В мае возвратился из отпуска к месту службы...

...Забегая вперед, хочу сказать, что в том же, 1946 году, в сентябре я вернулся домой в Ле-

нинград, навсегда расставшись с воинской службой, которой отдал пять драгоценных лет жизни. В том же месяце мне исполнилось 24 года. Это немало, чтобы начинать жизнь заново. Несколько лет, ушедших навсегда, лет, во время которых человек формирует свой характер, жадно использует годы физического расцвета и умственных возможностей, много читает. Время, когда человек строит свое будущее, познаёт мир, постигает всё созданное ранее...

Конечно, тогда радость переполняла всех и меня. Вновь я дома, в так ставшей близкой и родной комнате на канале Грибоедова, с которым много связано в короткой моей жизни предшествующего войне десятилетия. Отсюда я пошел в школу, отсюда же поступил в Художественное училище, отсюда ушел восемнадцатилетним юношей, шагнув со всей страной в неизвестность.

Здесь в 1946-м на мои плечи легло много новых обязанностей. До этого страна заботилась о нас – миллионах, одевших военную форму. Каждый воин знал, что нужна Победа, но кто-то ведь и заботился о нас – одевал, обувал, кормил, обустроивал. Военные дороги нередко свидетельствовали об этом. Вспоминаю и путь из Омска в Баку, и позже уже за границей, мои служебные командировки в Будапешт, возвращение из Чехословакии во Львов. Всюду военнотрудовой был не чужим, везде его вели, кормили, а если нужно, то и одевали. Тогда непредсказуемость и бестолковщина, кажется, царил на всём транспорте. Иначе и не

могло быть на беспредельных просторах нашей огромной страны, в которой всё было в движении. Но воин всегда обеспечивался в дороге всем необходимым для сносного существования.

После получения сообщения из приемной М. Калинина мое письмо «путешествовало» по служебным инстанциям, и я тоже волей различных начальников успел побывать во Львове, Сталино, Ростове, Харькове. В жизни бывают удивительные совпадения, так нужные человеку. Как повезёт! В середине 1946 года мое послание, направленное М. И. Калинину, оказалось в штабе юго-западного округа ПВО, находившегося в Харькове. Туда в отдел кадров был прикомандирован и я, чтобы помочь в подготовке всеобъемлющих отчетов о результатах демобилизации из нашего когда-то фронта ПВО; это были отчеты – «простыни», которые по готовности отправлялись в Москву.

Обязанности начальника того отдела кадров выполнял полковник Балбеков. Был он немолод. Основательный мужчина, не будучи красавцем, плотен, уже поживший и повидавший всего, участник и инвалид Отечественной войны; правый рукав его мундира защитного цвета был сложен пополам и пристёгнут французской булавкой. Документы он подписывал левой рукой. Как видно, это было ему не очень привычно.

Вот под его руководством мы и готовили отчеты для Москвы. Вся наша жизнь – нескольких молодых офицеров – проходила в двух комнатках отдела, здесь мы и спали на столах, которые в дневное время становились рабочими.

Однажды полковник вызвал меня к себе и без каких-либо предисловий спросил, писал ли я Калинину. Конечно, я ответил утвердительно. И он, этот замечательный полковник, как-то по-отечески сказал, что уж не такая безоблачная сладкая жизнь ожидает меня на «гражданке». Он-то, уже умудрённый опытом, понимал, что это был рискованный шаг на моем жизненном пути.

Именно тогда решалась судьба молодого человека. «Быть или не быть...». Пусть меня извинят за столь высокий «штиль». Но я верил в себя. И думаю, что был прав....

...Много позднее, в XX годовщину со Дня Победы ко мне домой неожиданно пришла незнакомая женщина, отрекомендовавшаяся моей жене, встретившей ее с маленькой дочерью на руках, однополчанкой по службе во время войны. Оказалось – это Комарова (ныне – Тарасенко), бывшая в моем подчинении – младший командир, с которой служили в Грозном, Плоешти, Кошице. Надо сказать, что ленинградцы тогда, в войсках, дислоцирующихся на юге, были редкостью. Она же вышла замуж за военнослужащего, оказавшегося в Ленинграде. И вот 9 мая 1965 года, помня о своем командире-ленинградце, она разыскала меня и пришла на встречу... Первые годы мы встречались семьями по торжественным дням. Но позже – реже: стали мы старше и не столь горазды до обмена визитами. Всё же перезваниваемся. Сообщила она и о судьбе других однополчан-ростовчан. В День 60-летия Победы я позвонил двум живым – Богатыревой и Кудрявцевой. Приятно было через огромный промежуток времени услышать их голоса. Чем-то далёким и близким пахнуло в телефонную трубку...

...И как эхо из военного времени, из морозного вечернего Омска, прозвучали аплодисменты курсантов военного училища на ул. Мира в Санкт-Петербурге. Это было в 1990-х годах на концерте моей дочери Елены Еремеевой, которая перед началом выступления стояла одна на сцене перед зрительным залом, заполненным молодыми людьми. Она сказала, что давно, в начале войны в эти стены был принят таким же курсантом, как они сегодня, её отец. Шквал аплодисментов раздался в ответ. Все были счастливы...

Из воспоминаний художника.

Статья написана Д. Д. СТЕФАНОВИЧ, 2015

ИГОРЬ АЛЕКСАНДРОВИЧ РАЗДРОГИН

Игорь Александрович родился 7 декабря 1923 года. Является старейшим преподавателем Института имени И. Е. Репина, в котором преподает более 50 лет.

Будучи учеником средней школы, он рано увлекся рисунком – обязательным предметом в школьной программе обучения. Мальчик стал посещать специальный кружок в школе, а затем ходить на занятия рисунком во Дворце пионеров. Такая серьезная подготовка позволила ему поступить в 1938 году в Среднюю художественную школу при Академии художеств, но окончить обучение помешала война.

Началась эвакуация Академии художеств. Игорь Александрович так вспоминает эти собы-

тия: «Я не поехал в эвакуацию, думал, всё равно возьмут через год, поэтому лучше быть здесь, но началась блокада. Я пошел на войну добровольцем, подумал: через год меня все равно мобилизуют. Пошел в военкомат и там говорю с вызовом: “Почему вы меня не вызываете, я окончил школу.” – “Хорошо, приходи”, – дали кружку, ложку и адрес. Я на другой день взял всё это и, по наивности, взял ещё акварель и кисти – думаю, порисую. Мне было 17 лет. Тогда я еще не знал, что такое фронт». В казармах стали распределять ребят, и Раздвогин попал в балтийский флотский экипаж в учебный отряд на подготовку, а потом в морскую бригаду. С этого момента он начал служить в Военно-морском флоте и воевал на Ленинградском фронте до окончания войны.

Он оказался в орудийном расчете артиллерийским наводчиком. «Меня тогда в первый раз ранило. Ночью надо было выводить орудие на прямую наводку для уничтожения вражеского укрытия. Была зима, лес. На колесах – металлические салазки. Второй расчет помогал, потому что одному расчету не справиться зимой. Тащили, тащили, вдруг взрывной волной меня бросило вперед. Орудие надавило на противотанковую мину – кто был у орудия, конечно, погибли. Я был ранен в ногу и в руку – множественные осколочные ранения. Тогда я в первый раз попал в госпиталь, потом я был ранен еще дважды».

За военную службу И. А. Раздрогин награжден Орденом Отечественной войны I степени, Орденом Славы III степени, Медалью адмирала Нахимова, медалью «За оборону Ленинграда». Он прошел всю войну. Поскольку он был призван на флот, ему пришлось служить еще один год после войны. В то время вышло постановление: те, у кого было больше трех ранений и которые прослужили свой срок, имели право демобилизоваться. В связи с этим указом он закончил военную службу, думая уже о продолжении учебы.

Как фронтовик, а также имевший аттестат с отличием, он имел право поступить в любой институт без экзаменов, но это не касалось специальных предметов. Бывший моряк значительно отстал от тех, у кого были возможности заниматься искусством. Рассматривая их работы, он отдавал себе отчет, что ему будет трудно

И. А. Раздрогин. Сельская учительница. 1957

конкурировать с ними на экзамене. У него были самые слабые этюды, но он все-таки поступил в 1946 году. Игорь Александрович предполагает, что такой счастливый результат был связан с тем, что педагоги знали его раньше и еще помнили его успехи в СХШ.

Первые два года в институте давались ему с трудом. Сказывалось отсутствие художественной практики, приходилось много заниматься. Все эти трудности он преодолел – воля, дисциплина, желание добиться успехов привели к победе.

В советское время существовала система распределения молодых специалистов после окончания учебного заведения. Игоря Александровича, получившего красный диплом, направили педагогом в Архитектурно-строительный институт. Узнав об этом, профессор А. Д. Зайцев, преподававший в той же мастерской, предложил Иогансону взять Раздрогина преподавателем. Игорь Александрович вспоминает: «Я был очень рад предложению, но

боялся преподавать. Сам еще ничего не умею, а тут преподавать. Тогда Иогансон сказал, что возьмет меня в аспирантуру». Сдавали экзамены 10 конкурсантов, а приняли двоих, и одним из них был Игорь Александрович Раздрогин. В аспирантуре он учился три года. За это время много ездил по стране, собирал материал, писал этюды, многие из которых в дальнейшем стали основой для его творческих работ. Полотно «Полевая почта» стала отчетом пребывания в аспирантуре. В 1957 году за это произведение художнику была присуждена ученая степень кандидата искусствоведения. В последующие восемь лет Раздрогин с головой окунулся в творческую работу.

В 1958 году была создана картина «Сельская учительница», которая находится в Третьяковской галерее. В 1959 году картина «Сплавщик» также была взята в ГТГ. Работы художника экспонировались на всех художественных выставках, и его картины хранятся во многих музеях нашей страны.

В 1965 году Раздрогин был приглашен в Институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина преподавать рисунок, акварель и композицию на факультете графики, где работает по сей день. И. А. Раздрогин – кандидат искусствоведения, заслуженный деятель искусств РСФСР, профессор кафедры графики, автор методических статей по вопросам академического художественного образования.

*По материалам статьи Н. Н. ПОПОВОЙ,
кандидата искусствоведения*

И. А. Раздрогин. Сплавщик В. В. Бойцов
1960

757

НАГРАЖДЕН орденом
награда *Нахичевань*

Приказ Командующего *ОМвр* № *349* от *30 декабря* 1945 г.

Наградной лист

На *командира роты лейтенанта В.Гр. "ПЕТРА ОТЕ ОМВР КБД"*
(полное, сокращенное инициалы, звание, фамилия, уполномочен или замещает)
Краснофлота Раздрыхина Игоря Александровича
(полное полное, фамилия имя и отчество)
медалей "УДАЧНО"
(сокращенное название награды)

1. Год рождения *1923*

2. Национальность *Русский*

3. Состоятельный *Учащийся*

4. Партийность и стаж *С/п*

5. С какого времени в РККА или РСМФ *1942 г.*

6. Ученство в гражданской школе *И и т.*

7. Раннее, почетное и военная служба *Работн З рана в 1942 и 1944 г.г.*

8. Какие имеет награды, как проявил себя при выполнении *орден "слава 3 степени"*
пр. К.арт. И-й ударн. армии 22.03.45 - И и медали "За оборону Ленин-
града".

9. Служил ли в одной из других буржуазных армий и пребывание в плену *Не служил,*
и плену Не был.

10. Домашняя адрес *Ленинград 10, Советская 10 кв. 19.*

11. Место жительства *Волог. обл., Белозерский р-н пр. Крутое.*

Краткое, конкретное описание личного боевого подвига или заслуг

Во время перехода 22.6.45 на за разграбленной итормовой погоди автобука пойтой, медный На бухаре В.Гр. "Евкопа", находившес На пойтее виде в тащике оказавши в воде. По крикамде старший матрос "Человек за бортом" краснофлотцы-гребцы быстро спустился лямки На воду и вынул На спасение утопающих Красноармеец. Несмотря На измор, каждый угрожал захватить лямку, х/за. Раздрыхин, преберегал спавс личной лямкой, грел одиним медальем спасли краснофлотцев.

Таб. Типографическая ТПО. Лист № 176. 22.5/1945. Тираж 4500.

**Краткое изложение личного боевого подвига
из Наградного листа на медаль «Ушакова»:**

Во время перехода 22.6.45 из за разыгравшейся штормовой погоды затонул понтон, шедший на буксире в/тр. «Шексна». Находившиеся на понтоне люди и техника оказались в воде. по команде старшин шлюпок «Человек за бортом» краснофлотцы-гребцы быстро спустили шлюпки на воду и вышли на спасение утопающих красноармейцев. Несмотря на шторм, который угрожал захлестнуть шлюпку, к/фл. Раздвогин, пренебрегая своей личной жизнью, горел единым желанием спасти красноармейцев.

[illegible]

**Краткое изложение личного боевого подвига
из Наградного листа на Орден Славы III степе-
ни от 19 января 1944 года:**

В бою за поселок Порожки 14 января 1944 года первым ворвался в расположение противника и взял в плен немецкого офицера. 16 января 1944 года первым ворвался в занятый противником населенный пункт Вилповицы, обнаружил пулеметную точку и гранатой уничтожил ее.

АНАТОЛИЙ ПАВЛОВИЧ ЛЕВИТИН

Советский и российский живописец, народный художник РСФСР, действительный член Российской академии художеств, член Санкт-Петербургского Союза художников, профессор Красноярского государственного художественного института. Руководит творческой мастерской Российской академии художеств в г. Красноярске.

Родился 16 июля 1922 года в Москве. В 1936–1941 годах занимался в Средней художественной школе при Всероссийской Академии художеств в Ленинграде.

В 1951 году окончил Институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина в г. Ленинграде.

Война

В свой день рождения, 16 июля, Толя получил повестку и сразу же отправился в военкомат. Хотел было с другими мальчишками проситься на фронт, но офицер резонно возразил, что не будет пользы, если их, необученных, убьют в первом же бою. Призывников выстроили в ряд, рассчитали на «первый-второй». «Первые» – направляются в Ленинградское артиллерийско-техническое училище зенитной артиллерии (ЛАТУЗА), а «вторые» – учиться на ветеринаров. Училище базировалось в Красном Селе под Ленинградом, но в двадцатых числах августа, незадолго до начала блокады, по личному приказу И. В. Сталина было эвакуировано в Томск. Курсантам предстояло за год с небольшим освоить курс обучения, рассчитанный на четыре года, при этом из них готовили не только зенитчиков, но офицеров широкого профиля. Заниматься приходилось по 16–18 часов в сутки, и не только по специальности. Строевая подготовка, политзанятия, ползание попластунски и приемы штыкового боя – о живописи пришлось забыть. Иногда удавалось рисовать кратковременные наброски, иногда – начальство вспоминало про то, что он художник, и муштра заменялась вычерчиванием орудий и приборов в разрезе. Здесь, в ЛАТУЗА, впервые пришлось серьезно столкнуться и с самыми разными людьми, пережить гордость и унижение, столкнуться с честью и подлостью, добротой и предательством.

Но все имеет обыкновение заканчиваться, закончились и нелегкие курсантские будни. Левитин получил назначение на Кавказский фронт. Зенитно-артиллерийский полк под Моздоком. Служба как служба, ничего особенного. Приближаются немецкие самолеты – лупи по ним заградительным огнем, прорвались, бомбят – отсиживайся в блиндаже. И так каждый день.

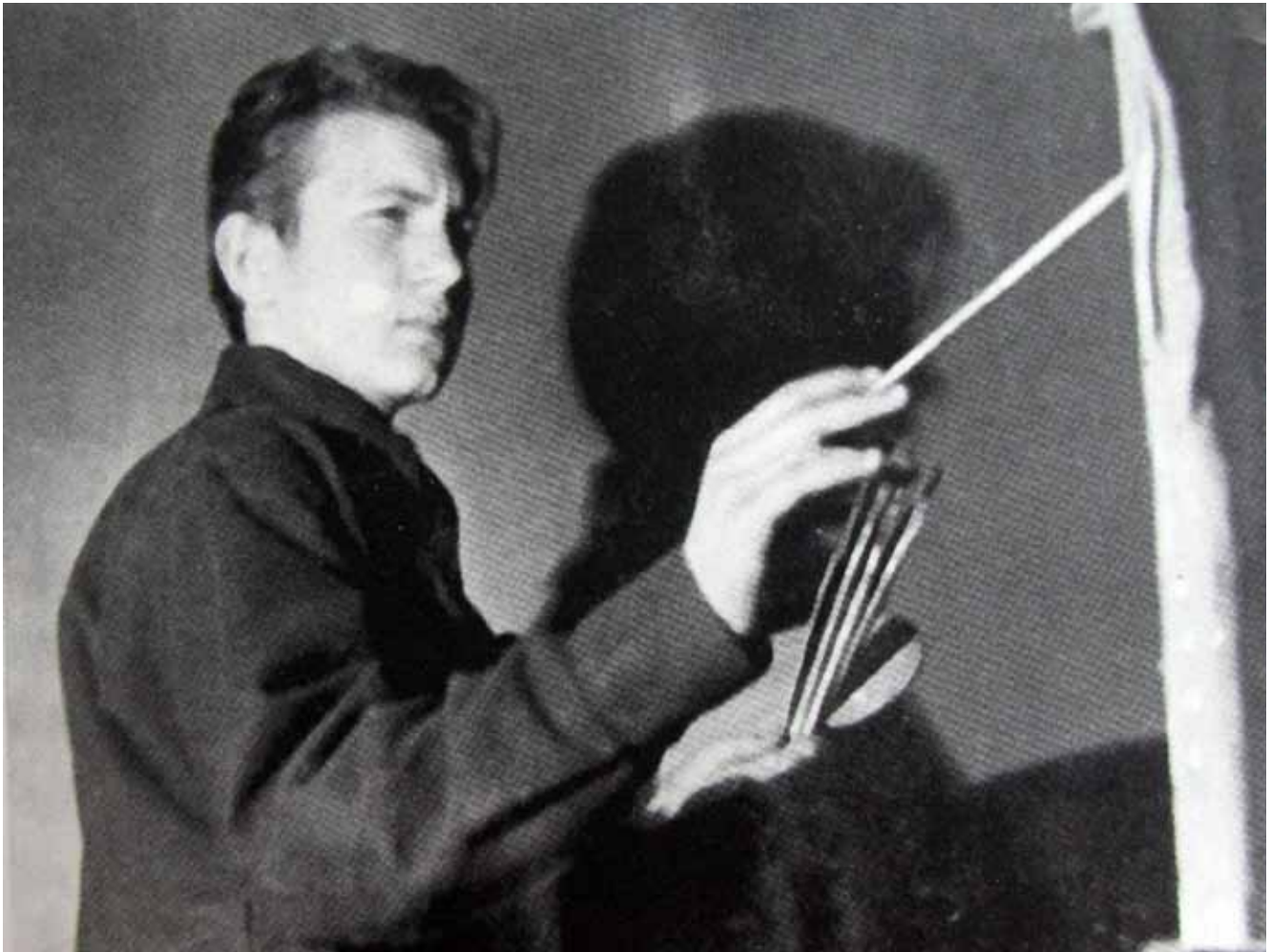

Техник-лейтенант А. П. Левитин.
Кавказский фронт, 1943

Иногда для искусства находилось время и на войне. Например, в связи с четырехлетием службы женщин в войсках ПВО командование дивизии в начале лета 1945 года поручило технику-лейтенанту Левитину сделать 28 портретов девушек-зенитчиц и связисток. В штабе дивизии, располагавшемся в Тбилиси, выделили специальный кабинет, раздобыли хорошую бумагу и сангину. Девчонки дисциплинированно приходили в назначенное время и позировали серьезно, не шелохнувшись. С каким удовольствием стосковавшийся по творчеству Анатолий их рисовал! Один из этих рисунков он оставил себе. К сожалению, он, как и почти все немногочисленные этюды и наброски военного времени, не сохранились.

Во время службы в Армении у Анатолия Павловича появилось достаточно свободного времени, чтобы познакомиться со многими армянскими художниками, освоиться в достаточно широком кругу творческой интеллигенции Еревана.

Еще техник-лейтенант Левитин, воспользовавшись правом офицера жить вне расположения воинской части, снял в Ереване квартиру. Здесь он выполнил первые эскизы будущей

Толя Левитин в 4 классе СХШ. 1937

большой картины о подвиге молодогвардейцев и несколько портретов своих ереванских знакомых. Когда в 1943 году в Ереване открывалась выставка работ армянских художников, А.П.Левитин был приглашен к участию и выставил четыре работы: портрет архитектора Тамары Сержантовой и эскизы образов героев-молодогвардейцев Ульяны Громовой, Сергея Тюленина и Любови Шевцовой.

Война заканчивалась. Сила обстоятельств направляла выпускника ЛАТУЗА, боевого офицера и уважаемого техника по зенитным приборам А.П.Левитина, прямой наводкой к Военной академии и карьере в войсках ПВО СССР. Душа рвалась в Питер, в родные стены Академии художеств, к живописи, без которой не мыслилась жизнь. Судьба, воплотившаяся на этот раз в облике командира дивизии полковника В. Г. Привалова, оказалась на стороне души. Все сложилось как нельзя лучше.

А. П. Левитин с художниками
Творческой мастерской живописи
Красноярск, 2006

Из воспоминаний Анатолия Павловича Левитина

Тяжело в ученье...

Когда нас привезли на машинах в Красное Село под Ленинградом, в небе уже вовсю туда-сюда летали немецкие самолеты-разведчики. И нас, еще не умевших по силуэтам отличать своих от чужих, поставили в них стрелять. Мы сбили один самолет, ужасно обрадовались. А тут спускается на парашюте летчик, по многоэтажному мату понятно: не фашист. К счастью, живой и невредимый. К счастью, нам не влетело, потому что мы еще не приняли присягу.

В конце августа, когда над Ленинградом нависла угроза окружения, наше училище отправили в Сибирь, потому что оно было единственным артиллерийским техническим училищем зенитной артиллерии в СССР, и Сталин им очень дорожил. Прощание было тревожным – идет война, отправляемся в неизвестность, поезд такой серьезный, военный, с плитками на платформах. Мама проводжала сдержанно, без слез и надрыва.

Наконец Ленинградское артиллерийско-техническое училище зенитной артиллерии въезжает в старинный сибирский город Томск. Чудный город: деревянные дома, резные наличники – очень живописно. Наше большое подразделение, состоящее из более полутора тысяч человек курсантов и комсостава, поселяется в красивом старинном здании индустриального института. Широкие коридоры, огромные аудитории, превращенные в казармы, высоченные, метров по пять, потолки. Безжалостно выламывается несколько стен, чтобы затащить внутрь зенитные орудия для стрельбы 76–85-миллиметровыми снарядами и малокалиберные пушки для стрельбы 37-миллиметровыми трассирующими снарядами.

Артиллеристов вообще за четыре года готовят, а нас нужно было за год натаскать, поэтому мы почти не спали. Во всяком случае, такое у меня было ощущение. Что поделаешь – война! Занятия были по 18 часов в сутки: штыковой бой, ползание по-пластунски, электротехника, материальная часть 76-мм зенитной пушки, матчасть и принципы работы ПУАЗО-2 и ПУАЗО-3 (прибор управления артиллерийским зенитным огнем), устройство и принципы действия зенитных и противотанковых снарядов (зенитные пушки имели приспособления и для стрельбы по танкам), общевойсковая тактика, тактика наступления и обороны, тактика воздушного боя, история КПСС, политзанятия и так далее. Иногда вместо ползания по-пластунски я рисовал в разрезе орудия, противотанковые снаряды и бомбы.

Один месяц была практика на дальнометром заводе в Новосибирске. Я работал на токарном станке. Интересным было ощущение от вращающихся деталей, снятия белой блестящей стружки, запахов металла и масла. Потом это отразилось на моей дипломной работе в институте.

Самыми неприятными моментами в жизни курсантов были утренний подъем и ночной поход в баню. У меня с моим училищным другом Андреем Киянским были нары на втором этаже. Мы еле карабкались до заветного ложа. Так вот, когда мы, наконец, добирались до нары, нам хватало воспоминаний разве что о домашней гречневой каше с молоком. Потом мы засыпали мертвым сном. Только изредка мне снились родители в блокаде. Я ведь ничего не знал о них. Писем из дома не было. Потом я узнал, как они пережили это страшное время. Сестру Райку эвакуировали с ее институтом киноинженеров. Папа состоял в Симфоническом оркестре Ленинградского радиокомитета и не хотел никуда ехать. Вместе со всеми он участвовал в том памятном, транслировавшемся на всю страну, первом исполнении Седьмой симфонии Д. Д. Шостаковича 9 августа 1942 года. Он был слаб, дошел до третьей степени дистрофии, чудом выжил. Кажется, ему полагался спецпайк. Маме предлагали уехать вместе с СХШ в Самарканд, но она сказала, что без папы никуда не поедет. Она заведовала детским садиком и сумела поставить дело так, что за всю блокаду ни один ребенок не умер от голода.

...Поскольку мы были 12-й, последней, батареей, то в баню, находившуюся на другом конце города, ходили всегда в два часа ночи. Курсанты нашей батареи это «мероприятие» люто ненавидели. Летом, когда светлые ночи, еще ничего: город старинный, живописный, много красивых домиков. А в стужу, в мороз, подъем среди ночи был отвратителен. Мы, как сонные мухи, вываливались из помещения, с трудом становились в строй и беспорядочно шагали около пяти километров до ненавистной бани. Бывало, идешь и спишь. Просыпаешься только, когда впереди почему-либо строй останавливается, и ты натыкаешься на впереди идущего, или вдруг слышишь как комвзвода Колька Тихий орет: «Курсант Левитин, не растягиваться!» Это значит, что ты глубоко уснул и «растянулся», т.е. отстал. Баня темная, сырая, холодная и вся в мыльной воде, которая накопилась после мытья предыдущих одиннадцати батарей, по 144 человека каждая. Противно, а куда деваться? Моешься слегка теплой водой, горячей уже нет. А потом выдают серое, сырое белье, в швах которого попадаются следы гнид. И вот плетешься целый час обратно, ложишься только в пять утра, а в восемь уже проклятый «Подъем».

Один раз, только мы оделись, объявляют: «Сейчас состоится поход, разбирайте лыжи и палки». Только бы не отстать, думаю, а то скажут, что я вшивый ленинградский интеллигент. Пойду, думаю, за комбатом, лыжня в лыжню, во что бы то ни стало. Надо сказать, что командир нашей батареи был прекрасным лыжником. Он задал очень ровный, умеренный темп бега. Если бы он гнал во всю мочь, то я бы, конечно, выдохся и безнадежно отстал. Вокруг была красивая

сибирская зима: чудный хвойный лес – сосны, кедры, пихты. Но я почти ничего не видел. Единственной моей целью было не отстать от комбата. Я стер ноги до мяса, зато пришел вторым! Если бы дали хоть две минуты, чтобы перемотать портянки, а так я наскоро намотал, когда подъем объявили, а тут на тебе – лыжный поход, нас же не предупредили, что это на 30 километров. Меня положили в санчасть на целых полтора месяца. Вот это было счастье! Сестричка Ларисочка – очень милая девочка, студенточка, за мной ухаживала, делала мне примочки какие-то. Она была умна, тактична, и мне казалось, что и ей

пришлось по нраву этот «больной». Она была ленинградка, и нам с ней было о чем поговорить и вспомнить. От учебы я не отстал, ребята приносили конспекты, пересказывали лекции. Замечательное было время! Никакого ползания в грязи и штыкового боя. Кстати, ни то, ни другое на войне не пригодилось.

*Материалы взяты из книги
А. ЛЕВИТИНА и Н. ТРИГАЛЕВОЙ
«Портрет художника на фоне эпохи».
Подготовила Наталья ВИТКОВСКАЯ,
2 курс факультета живописи*

ГРИГОРИЙ ДАНИЛОВИЧ ЯСТРЕБЕНЕЦКИЙ

Является руководителем творческой мастерской скульптуры. До войны окончил Ленинградскую Среднюю художественную школу при Академии художеств (СХШ).

Родился 29 октября 1923 года.

Практически сразу после окончания школы в июле 1941 года ушел на фронт. Григорий Данилович пошел записываться в добровольцы, услышал, что мал, но через несколько дней ему пришла повестка, и он был призван в действующую армию и направлен на Ленинградский фронт. Пережил все тяготы блокады в Ленинграде, в декабре 1941 года попал в госпиталь со второй стадией дистрофии.

После госпиталя вернулся на фронт. Служил рядовым в артиллерийских частях, дивизио-

не аэростатов артиллерийского наблюдения, отдельной роте связи. Принимал участие в боях под Ленинградом, Нарвой, Шлиссельбургом, на Карельском перешейке. Был ранен. Войну окончил в 1945 году в Восточной Пруссии, под Кёнигсбергом, в звании старшины. День 8-го мая: он, еще не зная об окончании войны, был очень удивлен, когда в их воинскую часть въехал немецкий фургон артиллерийской инструментальной разведки, которая обеспечивала врагов данными о местах нанесения ударов по нашим частям. В машине сидело два парня – немца. Они вышли и сообщили о том, что привезли сдавать машину нашему командованию. На следующий день уже все знали о том, что пришла ПОБЕДА! Вечером все долго стреляли в воздух.

Григорий Данилович в творческой мастерской с учениками. 2015

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

Фамилия, имя и отчество ЯСТРЕБЕНЕЦКИЙ Григорий Данилович.

Воинское звание - старший сержант.

Должность, часть - чертежник отдела связи штаба артиллерии ЛФ

Представляется к медали "ЗА БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ."

Год рождения - 1923. Национальность - Еврей.

С какого времени служит в Кр. Армии - с июля месяца 1941 г.

Партийность - кандидат ВКП(б) с 1942 г.

Участие в боях (где, когда) - г. МРА, г. КИНГИСЕПП и Нарвский плацдарм январь-апрель 1944 г.

Имеет ли ранения и контузии - имеет легкое ранение.

Чем ранее награжден (за какие отличия) медалью "ЗА ОБОРОНУ ЛЕНИНГРАДА."

Каким РВК призван - г. Ленинград, Куйбышевский РВК.

Постоянный домашний адрес представляемого или его семьи:

Краткое конкретное изложение личного боевого подвига.

Ст. сержант ЯСТРЕБЕНЕЦКИЙ Г. Д с первых дней Отечественной войны добровольцем вступил в Красную Армию.

В 1944 г. при выполнении боевого задания на Нарвском плацдарме получил ранение. Работая в штабе артиллерии чертежником отдела связи проявил исключительную добросовестность в исполнении обязанностей. Представленные отчетные материалы в Управление связи Ленфронта получили высокую оценку.

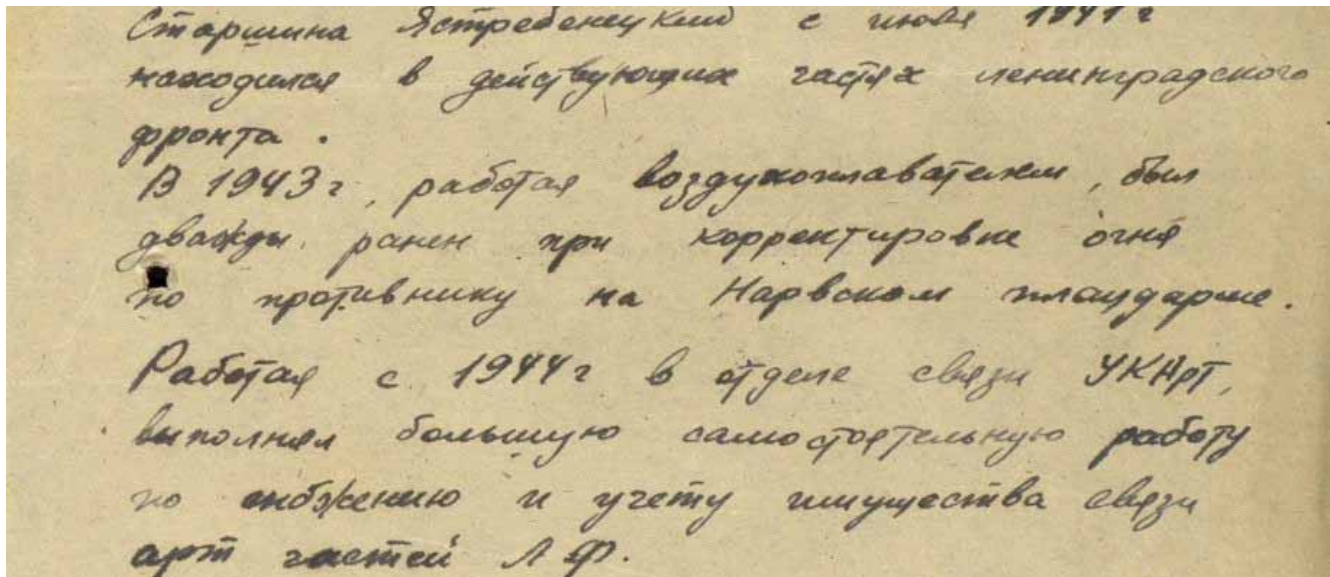
За усердие в работе и высокое качество ее заслуживает награждения медалью "ЗА БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ."

НАЧАЛЬНИК СВЯЗИ АРТИЛЛЕРИИ ЛФ

ПОДПОЛКОВНИК

ШИЛОВ

" 5 " ноября 1944 г.

Описание подвига Григория Даниловича из архивного документа
о его награждении Орденом Красной Звезды

Вернувшись с войны, Григорий Данилович поступил в Институт имени И. Е. Репина, где учился с 1945 по 1951 год на факультете скульптуры.

Помнит, как Академия вернулась из эвакуации, и на 1 курс факультета скульптуры вместо обычных 6–8 студентов было зачислено 22. Преподавателей меняли часто, и за время его учебы по творческой специальности сменилось 11 руководителей мастерских. Григорий Данилович вспоминает: «В послевоенной Академии по коридорам можно было кататься на коньках – было очень холодно, натура мерзла, топили печки. Но это все было разрешимо. После окончания войны казалось все замечательно!»

Особое место в творчестве скульптора-фронтовика занимает тема Великой Отечественной войны, тема памяти о её жертвах. Григорий Данилович Ястребенецкий является автором памятников на линии обороны Ленинграда: памятника «Холм Славы» на Ивановских порогах, мемориала в крепости «Орешек» под Шлиссельбургом, рельефов на памятнике на «Невском пятачке».

Его памятники, посвященные войне, установлены в Пензе, Мурманске, Караганде, городах Вятские Поляны и Тара. Среди других монументальных работ Г. Д. Ястребенецкого – памятники Димитру Благоеву, Адаму Мицкевичу в Санкт-Петербурге, В. И. Ленину в посёлке Ильичёво, Антону Рубинштейну в Петергофе, В. И. Ленину в Дрездене (ныне находится в городе Гундельфинген), канцлерам Аденауэру и Вилли Брандту в городе Гревенбройх (Германия), памятник советским солдатам в Гамбурге на месте концентрационного лагеря.

За годы творчества Григорий Данилович создал более 50 памятников, установленных в России, Германии, Узбекистане, Казахстане, около 30 мемориальных досок, более 60 надгробий.

Произведения скульптора находятся в тридцати восьми российских музеях: Государственной Третьяковской галерее, Русском музее, собраниях Министерства культуры, Союза художников, Российской академии художеств, музеях Бонна, Берлина, Дюссельдорфа, Дрездена, в частных собраниях России, Германии, Великобритании, Финляндии, Швеции, США. Он участник более 200 российских и международных выставок, в том числе в Германии, Венгрии, Чехословакии, Финляндии, Югославии, Бельгии, Голландии.

Григорий Данилович Ястребенецкий – Народный художник России, Заслуженный деятель культуры Польши, действительный член Российской академии художеств, лауреат премии Мартина Андерсен-Нексе (Германия). Многие его произведения отмечены почётными медалями и дипломами.

С 1951 года он член Союза художников, неоднократно избирался членом правления Союза художников СССР и РСФСР, членом президиума Ленинградского Союза художников, много лет был заместителем его председателя. В настоящее время – член Градостроительного совета Санкт-Петербурга и городского Художественного совета.

Г. Д. Ястребенецкий награждён орденами Отечественной войны I степени, Красной Звезды, орденом Почёта, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», немецким орденом «За заслуги перед Отечеством» (в серебре), Рыцарским Крестом Ордена «За заслуги» Республики Польша, Офицерским Крестом Ордена «За заслуги» Республики Польша, другими наградами СССР и иностранных государств. Отмечен Золотой медалью имени Грекова и Золотой медалью Академии художеств.

Наталья ВИТКОВСКАЯ,
2 курс факультета живописи

МЫ ВИДЕЛИ ВОЙНУ

Мы рады, что можем слышать напрямую рассказы о великих годах из уст работников нашего Института, видеть их глаза, отражающие пережитое.

ВЕРА ИВАНОВНА РАЗДОЛЬСКАЯ

Кандидат искусствоведения, заслуженный деятель искусств РФ, профессор кафедры зарубежного искусства. Работает в Институте более 60 лет. Во время войны была студенткой Академии.

Родилась 19 марта 1923 года. Поступила в Академию (Институт имени И. Е. Репина) в 1940 году. В 1948 году получила диплом с отличием.

Выпускники ФТИИ.
В. И. Раздольская в центре. 1948

ВАСИЛИЙ ФИЛИППОВИЧ РУДНЕВ

Народный художник России.

Родился 8 марта 1928 года в деревне Плотникова (в Сибири), в 1932 г. переехал с родителями в Новосибирск, где и провел годы войны. В 1944 году окончил новосибирскую кавалерийскую школу.

Учился в Академии (Институте имени И. Е. Репина) с 1949 по 1955 год на факультете живописи.

С 1962 по 1965 год прошел обучение в творческой мастерской А. А. Мыльникова.

Долгие годы был замечательнейшим преподавателем Академии. С 1959 года начал преподавать сначала на младших курсах, а затем с 1982 года – в мастерской В. В. Соколова.

С 2013 года Василий Филиппович занимает должность советника ректора.

Студенческий билет
В. Ф. Руднева

В. Ф. Руднев. На фронт 1964

В. Ф. Руднев. В годы войны

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ ПОПОВ

Профессор кафедры архитектуры, Народный архитектор Российской Федерации, Академик Российской академии художеств, член Союза архитекторов СССР с 1955 года, Академик Российской академии архитектуры и строительных наук.

Владимир Васильевич со студентами на занятиях. 2015

Арка Победы.
Красное Село

Владимир Васильевич родился 24 декабря 1928 года в Ленинграде.

Его родители были инженерами: отец строил тепловые электростанции, мать работала проектировщицей. Во время войны Владимир Васильевич находился в эвакуации в Свердловске. Работал на оборонном заводе, делал знаменитые боевые машины «Катюша» № 559.

После войны в 1946 году начал обучение в Ленинградском инженерно-строительном институте (сейчас СПб ГАСУ) на факультете архитектуры. Окончил институт в 1951 году.

Сейчас Владимир Васильевич занимается проектированием триумфальной «Арки Победы» в Красном Селе. Декоративные символы отливают из бронзы скульптор Борис Анатольевич Петров.

ВАЛЕНТИН ИВАНОВИЧ КОНСТАНТИНОВ

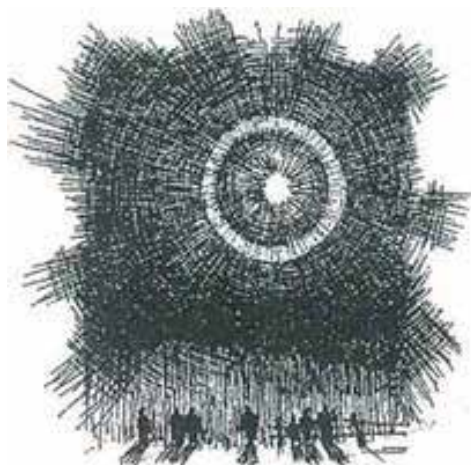

Валентин Иванович – профессор кафедры архитектуры. Родился 12 мая 1928 года. С 1937 года учился в СХШ. С 1950 по 1956 год учился во Всероссийской Академии художеств (сегодня Институт имени И. Е. Репина). Преподаёт в нашем институте более 40 лет.

Валентин Иванович со студентами на занятиях. 2015

Воспоминания

Когда началась война, Валентин Иванович был мальчиком, закончившим 5-й класс «Школы юных дарований им. С. М. Кирова» при Академии художеств. Сначала они с мамой жили у её сестры в деревне Верхние Горки под Порховом в Псковской области, которая вскоре оказалась под оккупацией немцев. Приходилось учиться выполнять взрослую мужскую работу: косить, пахать, сеять.

«Бегло перелистывая страницы прошлого, я неизменно чувствую спасительные, бескорыстные руки оказавшихся рядом и связанных общим горем людей. Война достаточно чётко поделила всех на эгоистов и людей, питающих скромную надежду на благосклонность судьбы к своим затерявшимся в бесконечных даях

войны близким. Всё в этом мире при всех тяготах просто: хочешь выплыть – плыви, нужно пахать – паши, коси, лишь бы не остановил тебя неведомый рок...»

«Наступила осень 43-го.

От большого затишья не осталось и следа. Началась агония немецкого отступления. Зачастись велосипедные отряды немецких карателей. В ноябре и далеко, и близко горели деревни. Никто уже не сомневался в том, что немцы дрогнули и их гонят. Немецкие команды гнали с собой молодых женщин и подростков. На ходу они называли свои сожжённые деревни.

Люди боялись всего и всех. За истекшие два с половиной года я усвоил одну истину: нельзя опускать руки, надо, не взирая ни на что, трудиться. Тогда обстоятельства вокруг тебя становятся более управляемыми. Люди проявляют свои нехудшие качества. Но не все так ясно в этом мире. Иногда судьба поворачивается

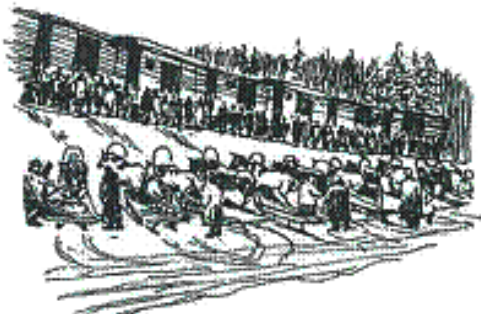

к тебе спиной. Роковой день наступил для нас 31 декабря 1943 года.

Моя тётушка Ната, выйдя рано утром за горячим угольком к соседям, тут же вбежала обратно с криком: „Алька, убегай быстрее, немцы в деревне, по домам ходят!“

Куда убежишь? В подготовленную нору в сене над скотником? А если приехали жечь? Я едва успел натянуть штаны, как, сбив запер, вошли двое и, увидев меня, тут же решили, что я подходящий кадр для угона в немецкий тыл. Ловушка еще раз захлопнулась, как в 41-м. В надежде на побег я умолял мать не ехать со мной. Тщетно... Она упростила немцев взять и её. Тетя осталась одна.

В Порохове загон из колючей проволоки, затем теплушки, ночь в пути, и набитый людьми эшелон остановился на латышской станции Марциенна.

Нас высадили. Вдоль состава вереница саеней. Добротно одетые мужики и бабы перетоптываются и что-то обсуждают. Вся сцена похожа на невольничий рынок. На цепь посадят хозяйчики или палками гонять будут?

К нам подошла пожилая полная женщина и без рассуждений на хорошем русском языке предложила ехать к ней. Так мы оказались на крестьянском хуторе Акаслеяс.»

Валентин оказался в батраках. Потом были еще работы на немецких заводах, лагеря.

Много пришлось ему повидать, пережить, выстрадать: голод, страх, ужас, предательство.

Но судьба сберегла его.

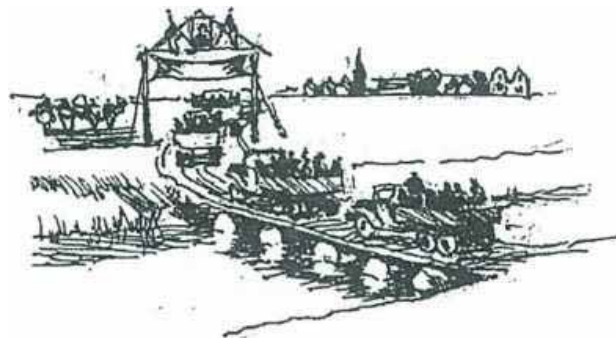
«Весть об окончании войны принесли американцы. После всего пережитого трудно было в это поверить. Однако огонёк надежды в душах затеплился.»

«Бытовало мнение, что справедливая война вызывает и укрепляет наилучшие чувства нации. В целом, это справедливо, но верно и то, что она калечит людей не только физически,

но и нравственно. Обнажает как положительное, так и отрицательное. Самая искренняя мечта о победе, будущей неременной встрече с близкими, мечта, которая давала силу и волю непременно выжить в этой мясорубке, могла обернуться и оборачивалась после всего перенесённого более чем суровой действительностью. Я знал человека, который будучи солдатом, шестнадцать месяцев более двух тысяч километров пробирался немецкими тылами от Львова к Сталинграду, оберегаемый и накормленный случайными, но добрыми людьми. Попав, наконец, к своим, был отправлен в лагерь. Слава Богу, пережил и это.»

«Однажды утром к лагерю подкатила небольшая колонна студебекеров. За рулём – американцы. Сопровождающие – наши военные. Мы едем на Родину. Наконец-то. На границе зоны было сооружено подобие приветственной арки с портретом Сталина, и под звуки оркестра колонна проследовала в советскую зону.

Что дальше? Дальше совсем не интересно. Баутцен – фильтрационный лагерь. Затем Радеберг, Вроцлав, Жешов. Пробирались мы где на машинах, где пешком. Ночевали в бараках, в загонах из колючей проволоки в поле. В Жешове после трёх дней сидения за проволокой на каком-то склоне нас, наконец, посадили в теплушки. Нас было трудно удивить разрухой. Но то, что мы увидели за более чем неделю пути, нас потрясло. Все разрушено. Не было буквально ни одной целой постройки. На станциях блуждали и протягивали за милостыней руки одетые в лохмотья женщины и дети.

Что же фашисты сделали со всеми нами... На всём пути голая земля и ужасающая нищета. Как люди встретят грядущую зиму?

Но вот, наконец, и Порхов.

Есть надежда, что у тёти найдём приют. А там и в Ленинград.

Порхов встретил нас регистрацией и отправкой по месту жительства в войну, т.е. в деревню. О Ленинграде, мол, и не помышляйте. Уже конец сентября. Не удавалось привыкнуть к мысли о том, что война позади и что мы не за проволокой, идем по своей земле.

А что же у нас впереди? Казалось бы, можно дышать спокойно и свободно. Однако, какая-то щемящая неопределённость царапала душу и не

отступала. Но почему? Мы на Родине и, значит, все должно быть только хорошо...

Мы идем в Верхние Горки. Что там, кто там, живы или нет, или только пепелище на взгорке? Уже холодно и дождливо. По пути погорельцы „подали“ нам по куску хлеба. Наконец, издали мы увидели кровли нашей деревни. Слава Богу, люди не обманули, деревня не сожжена. В Верхних Горках нас встретили вкусившие горя соседи радушно и, как в сказке, „накормили, напоили и спать повалили“.

Как-то пришла не лишённая чувства самоутверждения мысль. Без попытки овладения крестьянским ремеслом, одними подаваниями в 41–43 годах не удалось бы выжить. Эти же навыки оказались необходимыми в период батрачества в Латвии. Иначе латыши нас просто отправили бы в лагерь как негодный товар. Наконец, в Германии, видимо, помогло выжить угнетённое состояние немцев и, конечно, случай. Случай сберег нас от пули или бомбы.

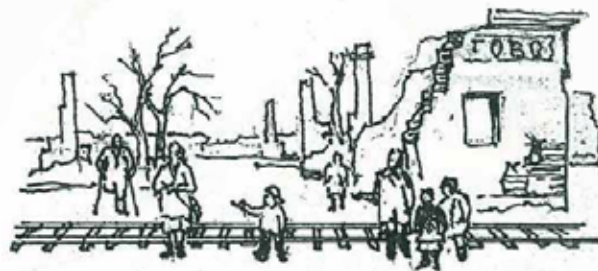
Итак, долго не раздумывая, мы с мамой на следующий день утром пошли пешком в Ленинград. Соседи наградили нас двумя буханками хлеба и солёными огурцами. Второй раз прошли деревнями, через которые пытались в сорок первом бежать от немцев. Печальное зрелище – этот почти полностью выжженный немцами бывший партизанский край. В райцентре с красивым названием Павы увидели полуторку и возле неё людей. Шофёр собирался в Лугу. Вот она доброта человеческая. Без вопросов всех посадил, и в тот же день доехали до Лужского вокзала. Желанный поезд стоял на путях, а билеты продавались только при предъявлении ленинградского паспорта. Приехали... У мамы, как помню, всегда читалась интеллигентность в лице даже в рубище на плечах. Неожиданно к ней подошла прилично одетая женщина и предложила попытаться купить нам билеты до Ленинграда по своему паспорту и даже не спросила о деньгах. Этой даме попытка удалась. Сказав, что она жена крупного офицера, имеет какие-то льготы и для поездного контролера определила нам какую-то степень родства с ней.

Я до сей поры задаю себе вопрос: зачем, почему, какое чувство заставило эту замечательную женщину взять на себя ответственность и риск за нас, беспаспортных случайных лиц? Вероятно, катастрофа, общее горе способно вызывать сочувствие.

На примере поступка этой женщины хочу подтвердить древнюю истину: добро порождает добро, зло порождает зло. А общее несчастье обостряет и то, и другое.

Когда поезд подошёл к перрону Варшавского вокзала, было уже темно. После всех мытарств как-то жутко было ступить ногой на землю Ленинграда. Не верилось. Поблагодарив эту добрую попутчицу, мы неуверенно тронулись

по Измайловскому в сторону Театральной площади. Никольский собор, театр, консерватория и памятник Глинке были, как ни странно, на прежних местах и, к счастью, целы. А вот и наш трехэтажный дом. В одном из двух окон нашей комнаты одна фрамуга была зашита фанерой. Света в окнах не было. Совсем рядом в стене зияла рана от взрыва снаряда. Мы не верили своим глазам.

Несколько строк о СХШ

Начало другой мирной жизни. Однажды после работы на стройке я, робея и сомневаясь, решил зайти в Академию художеств, где размещалась СХШ – средняя художественная школа, или, как тогда называлась, «Школа юных дарований при Всесоюзной Академии художеств». Встретил, но с трудом узнал меня все тот же довоенный завуч Иван Никанорович Ефимов. Пригласил в кабинет биологии. Там каким-то чудом, как и раньше, было множество цветов. Выслушав мой рассказ, он тут же предложил мне восстановиться в пятый класс, незаконченный в 41 году. Это было удивительное время „собираания камней“. Школа собирала бывших учеников: пришедших домой солдат, скитальцев по дорогам войны. Учителя школы были людьми высокой культуры и доброжелательны. Я это вскоре понял и поныне испытываю к ним чувство благодарности.

„Никанорец“, как мы между собой называли завуча, тут же предложил мне рабочую, самую обеспеченную карточку ДПШ (дополнительное питание) и стипендию и, не медля, повел меня в пятый класс на занятия:

Заглянув в класс, я увидел сидящих за партами маленьких девочек и мальчиков. В прошлом крестьянин, батрак-рабочий, скиталец, а в общем, здоровенный мужик, я не смог увиденное принять и пережить. Тихо поблагодарив Ивана Никаноровича, я направился к выходу.

Но этот человек не отпустил меня. Недолго раздумывая, он предложил следующий ход: узнав о моей хорошей довоенной успеваемости по искусству, разрешил мне заниматься в школе по искусству при всех предложенных благах, а общее образование наверстать в заочной средней школе, которая уже работала в сорок

пятом. В общем, это был с его стороны рискованный ход. Во-первых, он не знал „потяну ли“ я, во-вторых, кого он решил приютить – человека из оккупированной четыре года зоны? Блистательный ум, мудрость педагога позволили ему пойти на такой шаг. Мало того, в то совсем непростое время школа снабдила меня учебниками. Мать знала Ивана Никаноровича еще до войны, провожая и забирая меня из школы, как жесткого и строгого человека. Она едва поверила моему рассказу. „Неужели ты получил возможность включиться в нормальную жизнь?“ – раздумчиво сказала она и заплакала. Тем не менее, это был праздничный вечер, и мы с улыбкой смотрели друг на друга, пожалуй, впервые за долгое время. Тогда я пообещал себе, что сдохну, но преуспею. На следующий день я был без хлопот зачислен в пятый класс заочной школы, а в СХШ меня остановил завуч по искусству и велел бесплатно получить акварель, бумагу, кисти... И это осень сорок пятого? Теперь в это трудно поверить... Но я и тогда с трудом верил в реальность происходящего.

Отец вывез значительную часть своей библиотеки, но подарил мне альбомы, книги по искусству, архитектуре и классике русской литературы. Так внезапно на меня обрушился буквально шквал благополучия. ДППШ, оказывается, можно было отоваривать в ближайшей школе, и мы с мамой лакомились иногда „шротами“ (соевым творогом).

Как-то осенью отец взял меня на сбор капусты в подсобное хозяйство своей воинской части. Ну, не мне было привыкать к сельхозработам. Я нарезал и складировал в мешки столько, что нам выделили два мешка. Мы с папой поделили доход поровну. Вот это было да!!!

Но время мчалось. Было очень непросто привыкать к усидчивости и работе с книгой. Мозги давно забыли, что это такое. Уже в ноябре сорок пятого я отчитался перед Иваном Никаноровичем за пятый класс, в феврале сорок шестого за шестой. В июне сдал одиннадцать экзаменов за седьмой.

К 1 октября, к началу занятий в школе отчитался за восьмой и был зачислен в девятый класс. В целом, в школе была очень творческая обстановка. Уже в 46-м в живописном классе появился с обожженным лицом танкист Федя Родченко, затем юноша в кепке, стареньком пальтишке и русских сапогах Вася Руднев. С этими людьми меня связывали тёплые отношения. К сожалению, Федя ушел из жизни. Василий Филиппович, слава Богу, дивный колорист и мудрый педагог, преподает и сейчас. Память – упрямое свойство. Она тут же восстанавливает эпизоды прошлой реальности, голоса, повадки, юмор, образ человека. А эта реальность была доброй и искренней.

Среди друзей и одноклассников были Коля Позднеев, Вовка Петров, приёмный сын графика Верейского. При допуске к экзаменам на факультет скульптуры он предоставил выполненную в белом мраморе собственную стопу. Трудился он над ней все лето и, конечно, был допущен, талантливый был человек.

Сложилось так, что особое место в дружеских отношениях занимал всесторонне одаренный человек Дмитрий Афанасьев. Поэт, математик, живописец, влюбленный в оперетту, он впоследствии стал декоратором и художником сцены, профессором театрального института. И, главное, лёгкий и радостный человек от природы. В его увлечениях и профессии сыграл роль контакт с труппой Ленинградского театра музыкальной комедии в Свердловске в годы войны. Мы много вечеров провели вместе. Тогда мы впервые узнали и были покорены французским импрессионизмом. В Эрмитаж мы бегали раз в неделю непременно, посмотреть ещё и ещё раз руки у Рембрандта, тело св. Себастьяна, глаза у св. Магдалены Тициана, губы на воздушном лице «Камеристки» Рубенса и др.»

Кто нас учил?

«В первый год моего присутствия в СХШ искусство вела Мария Яковлевна Перепелкина с вечной папиросой в изящных пальцах, человек очень решительный и большой внутренней культуры. В вопросах композиции она добивалась от нас остроты выражения сюжета, оберегала от сентиментальности и глупостей, что считала одинаково порочным.

Живописи нас начал учить в следующем учебном году только что защитивший диплом Василий Федотович Подковырин. Дипломную картину „Лыжная разведка“ он начал писать вскоре после фронта. Учил он нас после акварели не бояться красок, цветовым отношениям, форме. Очень полезны были его собственные прописи с наших палитр на наших холстах. Эти пробы раскрывали неизвестные приёмы, возможности кисти, красок, фактуры мазка и свойств холста.

Несколько слов о парадоксах того времени. Однажды Василий Федотович с радостью сообщил нам, что ему от Союза художников дали квартиру с мастерской, хорошую зарплату, и он всего лишь должен был отчитываться перед комиссией Союза в том, что он работает. Важен был сам факт наличия творческой активности художника. Иными словами, был обозначен принцип подъёма, возрождения мирной жизни и в творческом Союзе. Вскоре Василий Федотович появился не в старой солдатской шинели, а в сером драповом пальто и новой кепи. Вот это было нечто! Он всех нас приветствовал, и его добрейшее лицо сияло улыбкой.

Я, наверное, не очень последовательно выхватываю из быта того времени отдельные штрихи. Например, карточки можно было отovarить в определенном, прикрепленном магазине. Мы с мамой простаивали на углу шестой линии и набережной Невы, там теперь ресторан „Русский Китч“, долгие часы, пока продавцы что-то взвешивали, вырезали купоны карточек. При подходе очереди выяснялось, что мясные талоны отovarивают соевыми конфетами, а масло – животным „лярдом“. Я не помню, что это было, но съедобно... Исстрадавшимся ленинградцам было не до прихотей.

В школу надо было приходить намного раньше начала уроков по искусству. В сорок пятом году школу отaпливали пленные немцы. Потом они исчезли. С вечера, вооружившись веревками, мы таскали наверх дрова, ставили к печке и утром топили, чтобы как-то обогреть натурщиков и не мёрзнуть самим. Если дрова доставляли к набережной напротив Соловьёвского сада баржами, они были сносными, а если плотами – несчастье, дрова шипели, фыркали, но не горели и не грели. Не понимаю, как Ивану Никаноровичу удавалось сохранить и согреть свой ботанический сад в кабинете. В академии было два презирающих холод человека: Иван Никанорович и заведующий кафедрой физкультуры Григорий Давыдович Коган. Оба всегда были в потертых синеватых бостоновых пиджаках с той лишь разницей, что на улице в мороз пиджак Григория Давыдовича дополняли большие не по росту меховые рукавицы с тесёмкой через шею. У Ивана Никаноровича всё-таки было пальтишко.

Физику преподавал чудный человек, удивительной доброты и тонкой культуры, интеллигентности пожилой уже Марк Яковлевич, которого толпа сеxешатников прозвала „шницелем“. Почему? За что?

В выпускном классе по искусству нас вёл Соколов Василий Васильевич, энергичный темпераментный художник. В 1948 году он работал в творческой мастерской профессора Иогансона над картиной „Третий съезд Союза молодежи“. Я думаю, мы не преуспели бы без его помощи в работе над темой, образом и, что важно, картиной. Это был один из лучших выпусков школы.

Эти отношения с Рудневым, Соколовым и сегодня великолепны. Все трое рады встрече.

При всех трудностях и дурачествах в школе царил творческая обстановка. Практически от мала до велика знали Эрмитаж и Русский музей. Все разговоры, все беседы были об искусстве и весьма предметны, всегда с анализом работ мастеров.

Но годы шли. Помню, как все восприняли и телом, и духом, когда в академии провели центральное отопление. Когда-то в это же время отменили карточки и, придя в столовую, мы увиде-

ли полные витрины салатов и чего-то ещё. Тут же можно было взять комплексный обед и сколько угодно хлеба. Всё это стоило копейки и было доступно.

Особенно, отмечался новогодний праздник. Поначалу ёлки не привозили, но все стены зала украшались панно с хороводами вокруг рисованной ёлки. Главными мастерами были Дима Афанасьев и Толя Федосеев. Панно были яркими, весёлыми, размером от пола до потолка, длиной от восьми метров с фигурами „в натуру“. Угощений, правда, не было, но зато устраивались концерты. Помню, пару раз приезжал Толубеев с декламацией и ученики школы при консерватории. Было весело, празднично. Мы были молоды и согреты едиными помыслами об искусстве. Кроме того, мы устраивали классные музыкальные вечера. Кто-то приносил пластинки с записями Шаляпина, Вертинского, Лещенко, Обуховой. Андрей Хаустов мог ночь напролет читать Есенина, Блока, Северянина. Однако не все было благополучно.

Четыре военных года сказались при поступлении в Институт.

Многим я обязан в этот период своим друзьям. Они понимали, в чем дело, и никто, никто не отвернулся. Отношения оставались тёплыми и ясными. Признателен и моей, в то время будущей, жене Марине, человеку, очень много пережившему в детстве и юности, человеку с любящим сердцем и твердым характером.

Спасибо людям!»

*Текст взят (в сокращении)
из автобиографической повести
В. И. Константинова
«Штрихи из прошлого», 2012.
Иллюстрации сделаны автором.*

*Материал подготовила
Наталья ВИТКОВСКАЯ,
2 курс факультета живописи*

НИКОЛАЙ НИКИТОВИЧ РЕПИН

Н. Н. Репин. С Победой. 1995

Народный художник России, академик ПАНИ. Заслуженный деятель искусств России. Профессор кафедры живописи и композиции. Стаж преподавательской деятельности в Институте имени И. Е. Репина более 50 лет.

Родился 25 октября 1932 года в селе Баницы Курской области. С 1934 года переехал на Кубань в станицу Советская. С 1943 года немцы оккупировали станицу. В 1943–1944 годах был в партизанском отряде, выполнял задания как связной со станицей. Поставлял партизанам сведения о действиях немцев в станице. Помогал партизанам в освобождении станицы от немцев. Был на грани расстрела немцами – спасли партизаны. После окончания художественно-графического училища в Ленинграде в 1959 году поступил в Институт имени И. Е. Репина Академии художеств. В 1964 году окончил институт и стал преподавателем-почасовиком, а с 1970 г. официально преподает в Институте. В 1964–1967 годах учился в творческой мастерской А. А. Мыльникова.

Фамилия великого предшественника ко многому обязывает. Тем не менее Николай Никитович Репин придерживается в своем творчестве принципа, которому никогда не изменял Илья Ефимович, – правде жизни.

Картины Николая Никитовича «С Победой», «В бане», «Блокада», «Старая Ладога», «Пушкин в Михайловском» и множество пейзажных этюдов, тонко и поэтично передающие различные состояния времен года, свидетельствуют о глубоком постижении автором жизни и красоты окружающей нас природы.

Педагог Николай Никитович честен как и в творчестве; он внимателен к студентам, бескомпромиссен и требователен. Искренность в творчестве и в отношении к людям – вот свойство его натуры.

А. П. ЛЕВИТИН

Материал подготовила Наталья ВИТКОВСКАЯ,
2 курс факультета живописи

ГАЛИНА НИКАНОРОВНА КОНДРАТЬЕВА

Проработала методистом на факультете архитектуры около 60 лет. На работу была принята 19 июля 1946 года.

Светлана Жукова (председатель профкома) о Галине Никаноровне говорит: «Она приходит в Академию на открытие почти всех выставок и на другие интересные и значимые, на её взгляд, мероприятия. Звонит мне каждую неделю, если я в Петербурге, интересуется текущими событиями. Если считает нужным дать совет, прокомментирует что-либо, звонит ректору и другим. Она была одной из первых вступивших и организовавших по инициативе Товстоногова в 1960-х общества Любителей театра. Знает о всех новинках в театральной жизни, посещает премьеры и интересные спектакли. Приглашает время от времени меня и других друзей на совместные посещения театра или филармонии. Бодра, как всегда. Легка на подъем. Светлый ум».

Галина Никаноровна со студенткой
архитектурного факультета
Марией Добровольской. 1998

ИРИНА ГРИГОРЬЕВНА РОМАНЫЧЕВА

Кандидат искусствоведения, профессор кафедры русского искусства, член Союза художников России.

Ирина Григорьевна родилась 26 августа 1927 года в Симферополе.
В 1956 году окончила Институт имени И. Е. Репина, где преподает около 50 лет.

НИНА ВАЛЕРИАНОВНА ФАМИНСКАЯ

Кандидат искусствоведения, профессор кафедры зарубежного искусства. Преподаёт в Академии более 40 лет.

Родилась в Ленинграде в 1935 году. Родители Нины до войны учились в нашей Академии (Институте имени И. Е. Репина). Отец Валериан Павлович Фаминский закончил архитектурный факультет в 1928 году по специальности архитектор-художник (он был автором планировки города Мончегорска, в котором жил в детстве проф. кафедры рисунка В. И. Стеценко). Нина Валериановна помнит, что у папы было 14 чертежных досок, с которых она скачивалась, как с горок. Он говорил жене: «Ляля, ты не обижайся, что я молчу во время прогулок, – я сочиняю проекты будущих зданий». Мама поступила на живописный факультет Академии именно в те годы, когда её ректором был Ф. А. Маслов, который начал перестраивать институт в сторону производственно-технического образования. Из музея слепков выбрасывались в круглый двор Академии скульптуры – музейные реликвии, они разбивались и приходили в негодность. Мама Нины, как и многие в те годы, не могла согласиться с происходящим в Академии. Она ушла, не закончив обучение.

Когда началась война, Нина с мамой эвакуировались сначала в поселок Неболчи, потом, когда туда пришли немцы, вернулись в Ленинград и от туда уехали к маме отца в Горький (сейчас Нижний

Новгород). По дороге попали под бомбёжку, но машинист героически спас состав: виртуозно маневрируя, он ехал то вперед, то назад, то ускорялся, то останавливался. Пассажирам приходилось периодически выбегать и прятаться в поле. Нина Валериановна помнит, как папа сказал маме при расставании: «Будешь моим заместителем». Отец, будучи старшим архитектором, остался в Ленинграде, работал непрерывно. Писал постоянно письма маме в Горький. Однажды в феврале, когда Валериан Павлович, еле живой от голода, шел на работу, с неба прямо к его ногам упала маленькая шоколадка, выдаваемая лётчикам перед полётом. Восприняв подарок с неба как добрый знак, он сохранил обертку от шоколадки на удачу. Истощенных рабочих, пытавшихся спасти от голода блокады, решили перевезти из Ленинграда в Орск. По дороге Валериан Павлович умер. Нине с мамой вернули личные вещи отца: это было обгорелое одеяло, маленькая иконка Николая Чудотворца и обертка от шоколадки.

После войны вернулись в Ленинград, в который можно было приехать только по вызову, – с этим помогли мамины подруги. Приехав, Нина с мамой узнали, что их дом сгорел в 1942 году. Причиной пожара стала оставленная соседкой буржуйка: женщина разожгла её, а сама ушла в очередь за хлебом, в которой жители Ленинграда стояли целыми днями. Новым домом для Нины с мамой стала кафедра института усовершенствования врачей на улице Салтыкова-Щедрина, куда мама устроилась работать художником по медрисунку: рисовала пособия, которые использовались профессорами во время чтения лекций. Спали Нина с мамой на составленных стульях, а утром не должно было остаться никаких следов, указывающих на то, что эта аудитория является чьим-то кровом. Нина отправлялась в школу, а мама рисовала. Девочка ходила в кружок рисования во Дворце пионеров, до которого приходилось ходить пешком больше часа, т.к. денег на трамвай не хватало.

В Институте имени И. Е. Репина Нина Валериановна училась с 1955 по 1960 год на ФТИИ, конкурс в те годы на её специальность доходил до 30 человек на место. После защиты диплома обучалась в очной аспирантуре. Нина Валериановна подчеркивает, что они с мамой никогда не отчаивались!

Нина Валериановна выражает благодарность А. К. Крылову за то, что он помог опубликовать материалы об её отце в сборнике статей «Макарьевские чтения».

*Наталья ВИТКОВСКАЯ,
2 курс факультета живописи*

ЛИДИЯ СЕРГЕЕВНА ДАВИДЕНКОВА

Лидя. 1944

Профессор Санкт-Петербургской Академии Художеств (кафедра рисунка). Награждена Серебряной медалью Российской Академии Художеств. Член СПб Союза художников России. Преподает в Академии (Институте имени И. Е. Репина) около 40 лет.

Когда началась война, мне было немногим больше года и, конечно, я мало что помню из ужаса войны и блокады. Мы оставались в блокадном Ленинграде. Мой отец, Сергей Николаевич Давиденков, полковник медицинской службы, с первых дней войны был назначен главным невропатологом Северо-Западного фронта, мама, Евгения Фёдоровна, также работала в госпитале. Отец проработал в госпиталях всю войну, сочетая функции организатора и консультанта с научной работой и подготовкой военных специалистов-неврологов.

Из блокадного времени что-то я помню очень ярко, и не только по рассказам взрослых, а на подсознательном уровне. На всю жизнь остались паника от оглушающего воя сирены, предвещающей бомбёжку, непереносимость лампочек синего стекла,

Л. С. Давиденкова. 9 мая в Ленинграде. 1985

подобных тем, что горели в бомбоубежище, тревога и ужас от тесноты и духоты бомбоубежища, страх замурованности.

В конце зимы 1942 года мы с мамой и бабушкой были эвакуированы через Ладогу по Дороге Жизни. Я не понимала что происходит и, по рассказам мамы, повторяла: «Хватит кататься, я хочу домой!». На самом деле, дорога была чрезвычайно опасной, машины обстреливались, перед нами две машины ушли под лёд. Мы чудом выжили.

В эвакуации мы жили в Вологде. После холода и голода было ощущение счастья от мирной жизни, доброго отношения вологодцев. Мы ходили с мамой за молоком в соседнюю деревню, и эта радость открытия вкуса парного молока запомнилась на всю жизнь. В Вологде у меня появились, кроме блокадной тряпичной куклы, хорошие игрушки и большой Мишка, с которым сейчас играет моя внучка Женечка. Когда к нам из Ленинграда приезжал отец, то он

всегда рисовал мне на плохонькой тоненькой бумаге (другой-то не было) замечательные картинки, отсюда пошла моя любовь к рисованию. Однажды он привёз мне акварельные краски и настоящие кисточки.

Разговоры среди взрослых были только о скорейшей победе. Мама потеряла в первые дни войны своего брата, ушедшего добровольцем на фронт. Жить помогала вера в победу. Наконец, настал долгожданный день возвращения в Ленинград. Какое это было счастье! Я была ошеломлена просторами, широкими улицами, набережными, каким-то особенным ленинградским небом над головой. Всё, казалось, залито сияющим светом. Этот праздник возвращения в родной город останется навсегда в сердце.

Л. С. ДАВИДЕНКОВА
9 апреля 2015 г.

Подготовила Ксения РОМИЦЫНА, 3 курс ФТИИ

РИММА ВЛАДИМИРОВНА ГОЛОВЕНКОВА

Доцент кафедры русского искусства. Препо-
дает в Академии (Институте имени И. Е. Репи-
на) более 40 лет.

Во время войны была ещё ребенком. Эти тяжелые
годы с мамой, бабушкой и братом она провела в Ле-
нинграде. Безмерно благодарна маме и бабушке за
то, что они спасли её жизнь. Помнит, что для за-
темнения окна были закрыты шторами из темно-си-
ней бумаги. Ей с братом очень хотелось заглянуть за
штору, этого нельзя было делать категорически, но
детское любопытство брало верх, и краешек шторы
внизу был издёрган так, что образовалась малень-
кая дырочка, через которую дети могли подсмо-
треть за происходящим на улице. Электричества не
было, вечером собирались и сидели около кероси-
новой лампы или свечи (керосин был дефицитом).
Радость победы запечатлелась в её детской памяти.
Этот день был пасмурным, шёл дождь. В 6 утра по ра-
дио объявили долгожданную новость, и Римма Вла-
димировна помнит, как её бабушка радостно закри-
чала: «Победа! Победа!». Вспоминает, что большой
радостью для изголодавшихся ленинградцев были
выпущенные в оживавшем городе конфеты «По-
беда» в белом фантике со знаменем. По вкусу было
понятно, что это ненастоящий шоколад, может быть
соя, но тогда это было не так важно, они казались чу-
дом – знаком возрождения нормальной жизни.

В 1958 году Римма Владимировна поступила
учиться в Институт имени И. Е. Репина на 1 курс
ФТИИ.

1973 год – начало педагогической деятельности
в Институте имени И. Е. Репина

*Наталья ВИТКОВСКАЯ,
2 курс факультета живописи*

НАТАЛИЯ МИХАЙЛОВНА ЛЕНЯШИНА

Профессор, доктор искусствоведения, действи-
тельный член РАХ, член Союза художников РФ,
заведующая кафедрой зарубежного искусства.

Воспоминание о годах эвакуации в сибирском поселке Емуртла

А посылки? Мы готовимся встретить Но-
вый год. В комнате пахнет елкой, мама обметает
снег с валенок, развязывает платок, растирает
красные пятна щек, она только пришла, елки рас-
пределяли по семьям во дворе управления лаге-
рем. Поехать самим в лес никто не решался. Два
дня делаем елочные украшения. Используем все:
кусочки ткани, старые катушки, вату, бумагу. Вы-
резаем из старой газеты звездочки и снежинки,
что-то раскрашиваем цветными карандашами,
борьба идет за красный, он всегда кончается рань-
ше других. Из глины делаем бусы: катаем шарики,
продырявливаем их вязальной спицей, продеваем
нитку. Громкий стук в дверь. Мы застываем. «Хо-
зяйка, прими посылку и распишись!» – кричит,
перешагивая через порог, человек, занесенный
снегом, похожий на непрошеного гостя в «При-
ходе колдуна на крестьянскую свадьбу» Макси-
мова. Он отказывается от чая – спешит в другие
дома, достает бумажку, огрызок чернильного ка-
рандаша, мама расписывается и закрывает за ним
дверь. Перед нами на столе возвышается таин-
ственный фанерный ящик, покрытый надписями

и сургучными печатями. Поглаживая их, сестра говорит: «Похожи на шоколадки», – для меня эти слова ничего не значат.

Осторожно вытаскивая гвоздики, мама снимает крышку. Под ней слой бумаги, потом слой ваты. Медленно ее поднимаем, появляется что-то плотно уложенное, завернутое в папиросную бумагу – «Елочные игрушки! – восклицает сестра: «Осторожно! Только не урони! И не дави, они бьются!» Мы сдвигаем в сторону наше собственное творчество и на чистом пространстве стола, осторожно беря в руки и освобождая от бумажек одну за другой, бережно раскладываем эти хрупкие, невероятной, невиданной красоты сокровища. И вот перед нами сверкающий мир блестящих, разноцветных шаров, пупырчатых шишек, птиц, снегурочек, дед-морозов, домиков с окошками и покрытой снегом крышей, – все из стекла! Нежные шелковистые поверхности приятно холодят руки, я, задержав дыхание, беру золотой шар, – «какой легкий!» – вижу в нем свое смешное отражение – «как в зеркале!» Разглядываю клоуна: прямоугольная линия носа, тяжелый подбородок, неподвижный взгляд широ-

ко открытых глаз, они кажутся живыми. Только бы ничего не повредить.

На столе две горки игрушек: блеклая газетно-бумажная своя и яркая, праздничная – приехавшая из другого мира. «У нас такие были, – говорит сестра, – до войны». Но ведь появились-то они у нас в годы войны! И опять ощущение чуда: как, каким образом могли они уцелеть, не разбиться в товарных вагонах и грузовиках? Прислала их из Ленинграда молоденькая учащаяся изобразительного кружка при каком-то доме культуры, где папа (опять это волшебное «до войны») вел занятия по живописи. Потом она рассказала маме, как у нее на руках умирали ее близкие – на саночках в мороз возила она их через весь город к общим могилам. И помнила о нас! Тогда же она выслала замечательную книжку (курбатовский «Петербург» с иллюстрациями Остроумовой-Лебедевой и надписью «Дорогому учителю из блокадного Ленинграда. 1941 год») нашему отцу на фронт.

Фрагмент из книги Н. М. ЛЕНЯШИНОЙ
«Апология Фабра. На пороге мастерской»

НИНА СЕРГЕЕВНА КУТЕЙНИКОВА

Заслуженный деятель искусств РФ, профессор кафедры русского искусства, член корреспондент РАХ.

Еще жива память...

С конца 1960-х годов я несколько лет была деканом по работе с иностранцами в нашем институте, и нередко иностранные учащиеся интересовались, почему в нашей стране так часто вспоминают о войне. Мне всегда приходилось им пояснять, что практически нет ни одной семьи в нашем государстве, которая не испытала бы горестей, лишений и потерь тех страшных лет.

Мне было всего полтора года, когда началась война, и, конечно, память не сохранила никаких воспоминаний. Но о них никогда не забывали мои отец и мать, мой брат, близкие родственники и знакомые нашей семьи. Правда, говорить об этом они не любили. Когда моему сыну было лет восемь, а может быть, немного больше, я попросила маму, отца и ближайшего друга семьи Марию Шу рассказать ему и его двоюродным братьям и сестрам о войне. Мама достала откуда-то потрепанный газетный лист и прочла заметку о жизни блокадного города. Как попала эта заметка к ней, и почему именно ее она сохранила, можно догадываться. Не обо всем следовало тогда говорить, тем более об ужасах, которые переживал в 1941 и 1942 годах блокадный Ленинград. Никогда об этом ни до, ни после моя мама не вспоминала, но, очевидно,

она все-таки хотела, чтобы подрастающее поколение нашей семьи прочувствовало весь ужас пережитого. Сообщение отца, остававшегося в Ленинграде все пять лет, носило иную интонацию и скорее свидетельствовало о стойкости и целеустремленности людей, в эти годы отдававших все силы борьбе с врагом, а М. Шу, которой было шестнадцать лет, рассказала о своей работе в госпитале и о жизни блокадного Ленинграда. Все эти материалы, записанные на диктофон, я передала позднее в Музей блокадного города. А несколько лет тому назад я издала книгу о моей семье, и некоторые ее страни-

цы, конечно, были посвящены этим печальным и трудным дням.

Война застала меня, маму и моего старшего брата на Сиверской, где наша семья снимала дачу. Снимать дачу тогда было в порядке вещей. Мало кто имел такого рода собственность, разве что это были дома родственников из пригородов. Мои предки были коренными петербуржцами.

Фронт довольно быстро продвигался к городу. Уже через несколько дней после объявления начала войны немцы бомбили пригороды, бомбили и вокзал Сиверской. М. Шу вспоминала, что «неожиданно несколько небольших самолетов на небольшой высоте пролетели над территорией вокзала, выпуская пулеметную очередь на толпу». На всю жизнь запечатлелась в ее памяти улыбающееся лицо пролетавшего летчика и лежащая убитая женщина. Позднее, уже в декабре, навестив нашу семью, она увидела меня дома в холодной квартире в зимнем пальто, под одеялом, ритмично повторяющую: «Каши, каши, каши...». Она говорила, что «зимой выходили из квартир в уличный мороз только при явной необходимости: за водой, в очередь за хлебом или другими продуктами, мизерные дозы которых не всегда отоваривались». За водой она, как и все, ходила на Неву: «Спускаться к проруби, где стояла очередь, было легко: обледеневшие ступени служили горкой, по которой, сидя с одним или двумя ведрами в руках, ехали к проруби. А подъем был тяжел и не всегда получался

с первого раза. При неудачном подъеме – вновь очередь, черпанье воды и новая попытка». Много позднее, уже после войны, М. Шу в одном из своих стихотворений написала:

«В блокадный год исчезла резвость,
Мы как-то сразу повзрослели,
В рассудке появилась трезвость
И шутки детства онемели.
Мы перемену тоже ждали,
Ту, на которой нам давали
Тарелку жиденького супа,
Где в микроскоп смотрелись крупы...»

30 декабря умерла одна из наших бабушек, не перенесла голод и холод. Мой брат вспоминал, что «ее хоронили уже без гроба. Так и осталось неизвестным, куда увезла ее одна из жительниц нашего дома, весьма подозрительного плана. Такого рода услуги в то трудное время она оказывала всем жителям дома. Вообще, о ней ходили странные и страшные слухи о том, что она съела своего собственного мужа. Фактически в ту зиму умерли все старики нашей семьи».

В марте 1942 года меня с братом и мамой эвакуировали в Краснодарский край. По приезде всех распределили по разным деревням, мы попали в станицу Ново Павловка, колхоз Шпак. Здесь жили в мазанке, в проходной комнате вместе с хозяевами, которые без всякого сочувствия (без зазрения совести) меняли те немногие вещи, которые удалось привезти, на хлеб. Довольно скоро краснодарский край был оккупирован немцами. Мама там все время болела, и поиски пропитания легли на моего тринадцатилетнего брата. А, кроме того, в какой-то момент немецкая комендатура потребовала документы о национальности мамы, и только заступничество местного старосты спасло нас от отправки в лагерь.

Когда был освобожден Сталинград, нам удалось уехать туда, а позднее с большими трудностями вернуться в Ленинград. Дело в том, что бывшим в оккупации приезд в Северную столицу был запрещен, и потребовалось специальное разрешение М. И. Калинина (тогдашнего председателя Президиума Верховного Совета СССР).

Мой отец всю войну провел в Ленинграде. Будучи одним из крупных инженеров-кораблестроителей города, он возглавил группу, которая в кратчайший срок произвела переустройство барж, перевозивших в город питание и оборудование. Как вспоминал отец, руководил первой погрузкой паровозов на баржу он сам «в окружении „почетного караула“ сотрудников НКВД». Случись какая-нибудь неполадка, и пришлось бы «отправиться в шарашку», в которой он уже работал около двух лет в начале 1930-х годов и где тогда и позднее работали многие и многие граждане нашей страны. К счастью, все обошлось. Много позднее отец с гордостью

Начало блокады. Уже холодно

вспоминал эти тяжелые годы – летняя Дорога жизни была не менее важна для города, чем зимняя, и она помогла спасти город от голодной смерти и способствовала восстановлению его промышленности.

Моего будущего мужа война застала десятилетним мальчиком в Ростове, который вскоре был оккупирован. Его рассказы о войне не были многословны. От природы справедливый и добрый человек, он пытался и в своих воспоминаниях об этом нелегком времени оставаться таким. В его памяти ярко запечатлелось событие «об уничтожении немцами большой группы жителей многоэтажного жилого дома в районе театра. Говорили, что в этом районе появились партизаны, за это были уничтожены жители целого дома. Квартал был оцеплен, жители дома были расстреляны». Он со своей тетей тогда чудом не попал в оцепление. Пройди они на несколько минут ранее через этот район, не остались бы

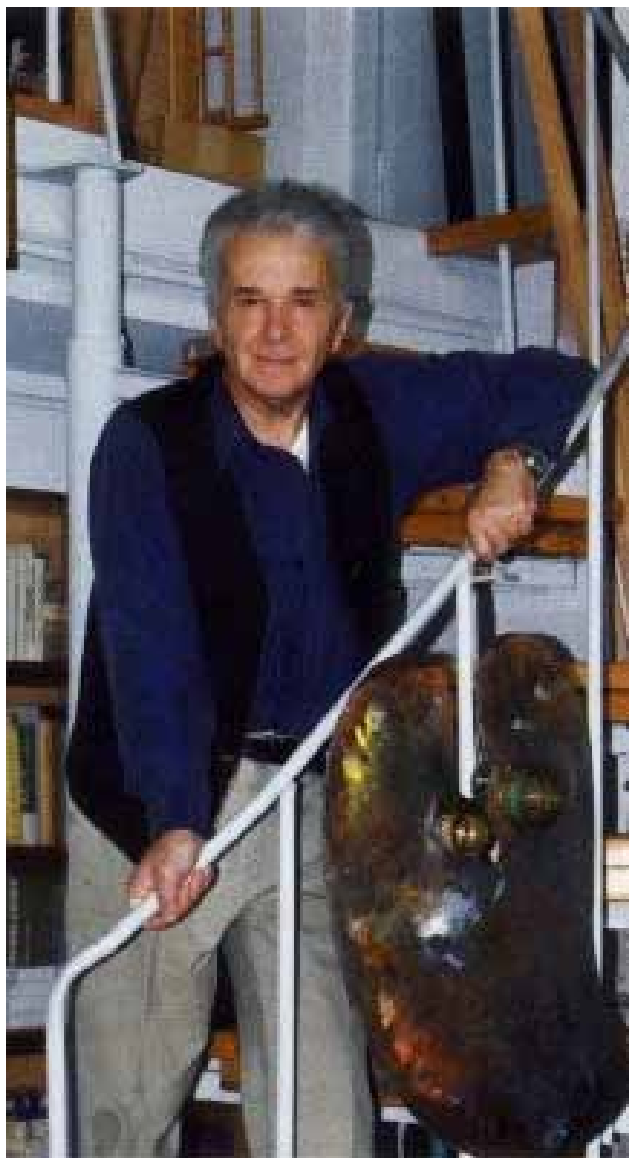
живы. Несмотря на это, муж всегда подчеркивал, что не все немцы были одинаковыми. Так, в их квартиру был поселен офицер, который угощал его малолетнего брата конфетами. А «уходя, он оставил бабушке немного продуктов. В другой раз к ним поселили офицера, который в пьяном угаре гонялся за братом с ножом, а тетка защищалась...».

Воспоминаний только моих родственников хватило бы не на одну книгу. Война в какой-то степени пощадила нашу семью. Не считая старшего поколения, умершего в блокаду, среднее и младшее – осталось живо, но воспоминания об этом времени не покидают нас. Будем надеяться, что память наша, переходя к потомкам, станет в какой-то степени «охранной грамотой» или «прививкой» для них от войны.

Н. С. КУТЕЙНИКОВА

20 апреля 2015 г.

ВЛАДИМИР СИМОНОВИЧ ПЕСИКОВ

Профессор кафедры живописи и композиции, заслуженный деятель искусств РФ, Народный художник РФ, Академик Российской Академии художеств, руководитель творческой мастерской, проректор по учебной работе. Преподает в Институте имени И. Е. Репина около 50 лет.

Родился 31 декабря 1939 года в Ленинграде. Во время войны с сестрой и мамой был в эвакуации в Татарстане и Свердловске (сейчас Екатеринбург).

Рисовать Владимир Симонович начал с раннего детства. Вернувшись после окончания войны в Ленинград, он начал заниматься изобразительным искусством во Дворце пионеров.

В дальнейшем обучался в СХШ (1952–1958 гг.). Поступил в Институт имени И. Е. Репина в 1958 году, окончил в 1964 году. Его дипломная работа – эскиз монументальной росписи «Защитники Ленинграда», на которой изображены образы жителей блокадного Ленинграда и защитников города. Потом продолжил обучение в аспирантуре и практически сразу начал преподавать.

ГАЛИНА ЛЕОНИДОВНА ШОЛОХОВА

Профессор кафедры архитектуры. Преподаёт в Академии более 20 лет.

Родилась в Ленинграде в 1935 году. Во время войны находилась в эвакуации в Кировской области. Вспоминает, как в 44 году, возвращаясь в Ленинград, ехали по ладожскому льду. В Академии училась с 1952 по 1958 год на архитектурном факультете, затем в аспирантуре. Мама Галины Леонидовны тоже училась в Академии.

ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВИЧ ЛИСОВСКИЙ

Профессор архитектуры, доктор искусствоведения, писатель, имеет более 150 научных публикаций, в том числе более 20 книг, брошюр, каталогов выставок.

Родился 29 декабря 1933 года. Во время войны до августа 1942 года жил в Ленинграде, позже был в эвакуации в Казахстане. В 1944 году вернулся в Ленинград.

После Победы мама Владимира решила переехать в Москву, где жила в молодости. Несмотря на воспоминания об ужасах блокады, он стремился вернуться в Ленинград. Его увлечение кораблями стало поводом вернуться и поступить в Ленинградский кораблестроительный институт, где обучался с 1951 по 1957 год.

В 1960 году поступил на заочное отделение искусствоведческого факультета Академии художеств имени И. Е. Репина. В течение 15 лет (с 1967 по 1982 год) работал в Научно-исследовательском музее РАХ. Владимир Григорьевич преподаёт в Институте более 25 лет, начиная с 1989 года.

Владимир Григорьевич читает лекцию. 2015

*Подготовила Наталья ВИТКОВСКАЯ,
2 курс факультета живописи*

ПЁТР ИСИДОРОВИЧ ЮШКАНЦЕВ

Профессор. Кандидат архитектуры, заслуженный архитектор Российской Федерации.

28 июня 1935 года рождения. С 1946 по 1954 год учился в Средней Художественной школе при Институте имени И. Е. Репина. Затем поступил в Институт имени И. Е. Репина, где учился с 1954 по 1960 г. на архитектурном факультете. 1963–1966 гг. – аспирантура. С 1966 г. стал преподавателем Института имени И. Е. Репина по совместительству. До 2005 г. руководил архитектурной мастерской института ЛенНИИпроект. С 2005 г. – профессор Института имени И. Е. Репина. Всю войну провёл в Ленинграде безвыездно. Имеет медаль «Житель блокадного Ленинграда».

П. И. Юшканцев со студентами. 2015

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ СТЕЦЕНКО

Профессор кафедры рисунка. Преподает в Институте имени И. Е. Репина около 40 лет. Родился 1 октября 1939 года. Будучи во время войны маленьким ребенком, запомнил бомбардировки их города Мончегорска на Кольском полу-

острове, где жил в те тяжелые годы. Владимир Иванович учился в Академии (Институте имени И. Е. Репина) с 1965 по 1971 год. Его дипломная работа – «Групповой портрет курсантов ВВМУ имени М. В. Фрунзе».

Владимир Иванович со студентами. 2014

ИВАН ИСАКОВИЧ АРУТЮНЯН

Заведующий подготовительными курсами. Работает в Институте имени И. Е. Репина более 35 лет.

Родился в 1939 году в городе Нуха Азербайджанской ССР. Во время войны с родителями жил там.

Приехал в Ленинград учиться в Ленинградском институте авиационного приборостроения (ЛИАП).

В сферу искусства из технической среды его привела интересная работа, связавшая две эти, казалось бы, несовместимые деятельности. Он со студентами «Мухи» (Мухинского училища) занимался разработкой дизайна космических скафандров, упаковок еды для космонавтов, «неземной» посуды. Впоследствии был приглашен на работу в наш Институт как руководитель СНО (Студенческого научного общества).

ЛЮДМИЛА АЛЕКСЕЕВНА ГОЛОВАЧЁВА

Работает вахтёром в ближнем общежитии Института имени И. Е. Репина около 20 лет.

Родилась 13 июня 1938 года. Всю жизнь прожила в Ленинграде. Здесь пережила и всю блокаду. Вспоминает, как мама, уходя на работу, давала ей стопку бумаги и просила рисовать. Видимо, этой просьбой она хотела отвлечь ребёнка от настоящего ужаса войны. От сильных обстрелов и бомбёжек Люда пряталась под кровать. Все окна в квартире были выбиты. Жили на кухне, завесив окно одеялом. Там была плита, с помощью которой спасались от холода. Однажды девочка чуть не угорела – и потом долго кружилась голова.

Вспоминается момент, когда мама очень громко и радостно закричала: «Люська, Победа!»

*Подготовила Наталья ВИТКОВСКАЯ,
2 курс факультета живописи*

Людмила Алексеевна на рабочем месте. 2015

ДОЛОРЕС АЛЕКСАНДРОВНА ХОДАРИК

Была методистом в кабинете теории и истории искусств, работала секретарем в деканате ФТИИ. Рабочий стаж в Институте имени И. Е. Репина – 50 лет.

Родилась в Ленинграде 2 марта 1939 года. Во время войны Долорес с мамой и братом были эвакуированы в Барнаул (Алтайский край). Её отец Ходарик Александр Нестерович (1911 года рождения) был призван на фронт 27 июня 1941 года. Последнее его письмо датируется январем 1942 года. С этого же месяца стал числиться без вести пропавшим. По окончании войны Долорес с мамой и братом вернулись в Ленинград. Долорес Александровна училась в Институте имени И. Е. Репина на факультете теории и истории искусств. Руководителем её диплома была Р. В. Головенкова.

СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ ШМАКОВ

Доцент кафедры архитектуры, Заслуженный архитектор РФ, лауреат Государственной премии РСФСР, действительный член МААМ, член-корреспондент Международной Академии архитектуры. Стаж работы в институте 10 лет. Родился 15 апреля 1937 года в городе Феодосия.

Окончил сначала Среднюю художественную школу при Академии художеств СССР (1956 год), а затем архитектурный факультет Института имени И. Е. Репина в 1962 году.

Во время войны был в эвакуации под Уфой в Башкирии.

ЕВГЕНИЙ МЕНДЕЛЕЕВИЧ РАПОПОРТ

Профессор кафедры архитектуры, заслуженный архитектор РФ, член-корреспондент РАХ и РААСН, член Союза архитекторов России, академик, профессор МААМ, член правления Санкт-Петербургского Союза архитекторов и Союза архитекторов России.

Родился 19 июня 1934 года в городе Днепрострой. Преподает в Академии (Институте имени И. Е. Репина) около 35 лет.

ЮРИЙ ИСАЕВИЧ ЗЕМЦОВ

Профессор кафедры архитектуры. Заслуженный архитектор РФ, лауреат государственной премии РФ, действительный член МААМ, академик.

Родился в 1938 г. Стаж работы в Институте 18 лет.

ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ КОРКИН

Профессор кафедры инженерно-строительных дисциплин, кандидат технических наук.

Родился в 1936 г. Стаж работы в Институте 31 год.

МАРК АЛЬБЕРТОВИЧ РЕЙНБЕРГ

Профессор кафедры архитектуры. Заслуженный архитектор РФ.

Родился в 1938 г. Стаж работы в Институте 7 лет.

АЛЬБЕРТ СЕРАФИМОВИЧ ЧАРКИН

Председатель правления Санкт-Петербургского отделения Союза художников России. Народный художник Российской Федерации. Действительный член Российской академии художеств, член Президиума РАХ.

Родился 16 декабря 1937 года. Великую Отечественную войну Альберт Серафимович провел в эвакуации в Семипалатинске. После окончания войны семья переехала в Сумы, а затем в город Лубны Полтавской области. На Украине будущий скульптор прожил до совершеннолетия.

С 1956 по 1960 год служил на Черноморском флоте. В 1966 году окончил Институт имени И. Е. Репина, факультет скульптуры. В 1966–1969 гг. продолжил обучение в творческих мастерских профессора Н. В. Томского и М. К. Аникушина. С 2001 по 2010 год был ректором Института имени И. Е. Репина.

АНДРЕЙ ЛЬВОВИЧ ПУНИН

Кандидат архитектуры, доктор искусствоведения, профессор кафедры истории и теории архитектуры, заслуженный деятель искусств РФ.

Родился в 1932 году в Ленинграде. Стаж работы в Институте более 50 лет.

РОСТИСЛАВ СЕМЕНОВИЧ ХАНУКАЕВ

Профессор кафедры инженерно-строительных дисциплин, кандидат технических наук.

Родился в 1938 году. Стаж работы в Институте 16 лет.

АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ФИЛИМОНОВ

Доцент кафедры инженерно-строительных дисциплин, кандидат технических наук.

Родился в 1937 году. Стаж работы в Институте 17 лет.

ЛИОННА БОРИСОВНА ОСТАПЧУК-ПЕТРОВСКАЯ

Профессор кафедры инженерно-строительных дисциплин, кандидат технических наук.

Родилась в 1940 году. Стаж работы в Институте 8 лет.

А. С. Чаркин. Обелиск Победы. Фрагмент

ЕКАТЕРИНА ВАСИЛЬЕВНА ГРИШИНА

Профессор, кандидат искусствоведения, член Союза художников РФ, заслуженный работник культуры РФ. Более 30 лет была директором НИМ РАХ (Научно-исследовательского музея Российской Академии художеств) и всех его филиалов и отделов: Музея-усадьбы И. Е. Репина «Пенаты», Дома-музея П. П. Чистякова, Музея-квартиры А. И. Куинджи, Музея-квартиры И. И. Бродского. Долгие годы работала преподавателем на ФТИИ.

Родилась 18 апреля 1930 года. Пережила тяготы блокады Ленинграда. «Блокаду помню всегда», – говорит Екатерина Васильевна. В 1943 году по Дороге жизни она смогла выехать в Архангельск. При ней была сделана капитальная реставрация копий, находящихся в парадных залах музея, восстановлен поврежденный во время войны плафон конференцзала. Екатерина Васильевна вспоминает, что это были очень сложные работы, в которых старательно принимали участие все работники музея.

ОЛЬГА ЯКОВЛЕВНА БЕЛЯЦКАЯ

Смотритель Научно-исследовательского музея Российской Академии художеств. Стаж работы в Музее 10 лет.

Ольга Яковлевна родилась в 1934 году в Ленинграде. Её семья была эвакуирована в Ташкент. Там старшая сестра Ниночка, комсомолка, организовала театральную группу ребят, которые навещали больных в госпитале, помогали ухаживать за ранеными.

Ольге Яковлевне тогда было 7 лет. Она уже умела читать, писать, развлекала солдат своими песнями, сказками.

В Ленинград вернулись в 1955 году. Город уже восстановили после войны. Как говорит Ольга Яковлевна: «Я вернулась в свой город».

Ольга Яковлевна работала генетиком в Ленинградском университете. 10 лет назад Ольга Яковлевна пришла работать в музей Академии художеств смотрителем.

*Анна ХАРЬКО, 2 курс
факультета живописи*

Ольга Яковлевна на работе в Музее

ЛИДИЯ НИКОЛАЕВНА АЛЕКСАНДРОВА

Смотритель Научно-исследовательского музея Российской Академии художеств.

Лидия Николаевна
на рабочем месте. 2015

Лидия Николаевна родилась в 1939 году. Семьдесят лет прошло после войны, мы живем в другом веке, что и говорить, многое поменялось в стране, людях, жизни. Но как важно сейчас сохранить простые человеческие ценности: веру, надежду, любовь. Важно в любых жизненных ситуациях помнить о доброте и простой искренности, помнить, благодаря кому мы живем, за что боролись наши предшествующие поколения, помнить о пережитых ими болях, испытаниях и страданиях. А главное – это трепетное отношение

к людям, которые пережили тяжелейшие годы войны.

Воспоминания о войне для каждого звучат по-своему, но для всех это большая трагедия и горе. И большой подвиг, спустя много лет, вновь говорить о войне.

Сотрудник Музея Академии художеств Лидия Николаевна поделилась историей своей семьи. Она была еще совсем ребенком, когда началась война, но если в детстве что-то запоминается, то на всю жизнь. Мать рассказывала Лидии Николаевне о быте, брат – о жизни города.

Воспоминания

Сентябрь. 1942 год.

В нашей семье было трое детей. Отец работал на военном заводе, у него был белый билет – на левой руке не было пальцев. Нас с матерью отправили в эвакуацию. Мы ехали на поезде. Неожиданная остановка: «Дальше поезд не идет». Тогда ещё не думали о войне и о предстоящих испытаниях, только вдалеке раздавались гулы снарядов. Стояли теплые сентябрьские дни, люди высыпали из вагонов и загорали на траве, ожидая дальнейшего следования. И так около двух недель. Вдруг пришло оповещение: «Всем по вагонам, дальнейший путь закрыт, назад в Ленинград». Вся наша семья осталась в Ленинграде. Началась беспощадная зима 1941 года.

Мама устроила меня в ясли. Старшая сестра водила и забирала меня, скудное питание давало о себе знать, и маленький кусочек хлеба, который я получала на полдник, сразу же съедался по дороге домой, хотелось есть.

Однажды был такой случай: когда мама забирала меня из садика, встретила знакомую, она оказалась заведующей детским садом и любезно пригласила нас в кабинет, решив угостить меня. Негодование и ужас охватили мою маму, когда заведующая открыла сейф с плитками шоколада, в то время как все дети существовали впроголодь. «Ничего нам не нужно», – сказала гордо мама, и мы ушли.

Старший брат добывал пропитание, как мог. Он ходил по улицам, заходил в опустошенные

магазины, надеясь что-то найти. Мать ходила на барахолку, обменивала вещи отца и инструменты на хлеб, чаще всего менялись военные. Зима была очень суровая, только печка в нашем деревянном доме, в районе Светлановской площади, согревала нашу семью, и каждое утро мать ходила за хворостом в Удельный парк.

Потом начали прибавлять по карточкам, но истощение физическое и нервное было предельным, у матери была дистрофия 3-й степени, брат был тяжело болен: крайнее истощение, – спасла его наша тетя, она тогда работала в железнодорожной поликлинике на Варшавском вокзале. В 1942 году начали организовываться детские дома, моя мать устроилась работать воспитателем. Изможденных детей с истощенными воспитателями отправили на «Большую землю», в Ивановскую область (позднее Владимирская). Нас поселили в особняке, как оказалось, это была бывшая дача Тютчева в селе Варварино. Было сделано даже общее фото: как помню, на поляне собрали всех детей, коротко остриженных, кроме детей воспитателей, – это уже было в 1944 году.

Потом предстояло возвращение домой, нас встречал отец. Город предстал в развалинах: разрушенные стены, буквально куски квартир с обоями, висящими санками на стене – все эти картины живы в памяти и по сей день. Наш деревянный дом чудом сохранился, каменные дома были разрушены, и помнятся наши «послевоенные развлечения»: мы ходили по разрухе и собирали осколки.

Окончание войны для нас детей – это встреча с близкими людьми, – это было главное, от всех

подробностей нас оберегали родители. Старшей сестре сложно говорить о войне и снова переживать. Все до сих пор чутко и живо, любое завывание, схожее с воем сирен, причиняет боль...

Наш опустелый двор после войны оживал, по вечерам выносили патефон, это тогда считалось чудом: играла музыка, молодые пары танцевали. Эти радостные моменты, музыка и песни объединяли людей и отогревали сердца, вселяли надежду на Мир.»

Все эти моменты, как кадры из фильма, постоянно перед глазами: горькие и шокирующие, трепетные и радостные. Лидия Михайловна работала в комитете по радиовещанию и телевидению, в творческом коллективе на Ленинградском радио. В годы перестройки для радио начались нелучшие времена. В 1998 году радиокомитет был ликвидирован. Лидия Николаевна ещё в юности мечтала поступить на искусствоведческий факультет Академии художеств, а теперь спустя много лет мечта сбылась, она с восторгом рассказывает об экспозиции музея, каждый экспонат, картина – для нее целый мир.

Несмотря на все пережитое, сильная вера, открытость, доброта и светящаяся улыбка этой женщины величественнее, чем все те страхи и ужасы беспощадной жизни! И это – ПОБЕДА!

СПАСИБО ВАМ И НИЗКИЙ ПОКЛОН!

Л. Н. АЛЕКСАНДРОВА

Материал подготовила Анна ХАРЬКО,

2 курс факультета живописи

ВЕРА КОНСТАНТИНОВНА ПОПОВА

Смотритель Научно-исследовательского музея Российской Академии художеств.

Вера Константиновна
в НИМРАХ. 2015

Нам повезло...

Осенью 2015-го будет уже четыре года, как я работаю в Музее Академии художеств смотрителем. Считаю, что мне очень повезло. Многие мои подруги завидуют, мол, такая красота тебя окружает – замечательные картины, скульптуры. Я согласна. А какие талантливые люди работают в музее. Как прекрасно ведут экскурсии Настя, Марина, Юлия, Оля, Полина – заслушаешься! Как душевно они относятся к нам, пожилым людям. Мы очень – очень благодарны им за внимание.

Помню, когда я была студенткой Университета имени А. А. Жданова, мы бегали в Румянцевский садик. Не гулять, нет – мы готовились там к экзаменам, к зачетам. Сидели на скамейках и грызли гранит науки.

В Музей Академии художеств первый раз я пришла уже с маленьким сыном. Володе очень понравился Рафаэлевский зал.

Мы не помним бомбежки,
Мы не помним огня,
Нас на тоненьких ножках
Та война провела.
Провела через горе,
Через боль и печаль.
Было мамочкам нашим
Своих деточек жаль.
Чем могли, укрывали.
Своим телом порой.

Да и теперь нравится. Ходит в музей и внук Миша, восемнадцатилетний юноша, часто с друзьями. Я им завидую – молодцы, что в молодости познакомились с Музеем, не пропускают ни одной выставки. Насыщаются впечатлениями от прекрасного, становятся богаче.

Очень часто видим в Музее пожилых людей, блокадников, ветеранов. Грядет 70-летие Победы над Германией в Великой Отечественной войне. Всем праздникам праздник!

В газете, где я работала, мне приходилось много писать о войне, о блокаде, о детях блокады, о ветеранах, о красных следопытах, о строительстве памятников.

Сама я войну не помню, она закончилась, когда мне было чуть больше четырех лет.

Иногда, когда душа просит, пишу стихи. Есть и про войну.

Мы об этом не знали.
Были мы детворой.
А когда засверкали салютов огни,
Нас к груди прижимали и слезы текли.
Да, отцы воевали – герои они,
Но и мамы герои, нас они берегли.
Мы не помним бомбежки.
Мы не помним огня.
Но война та, конечно,
И нас обожгла.

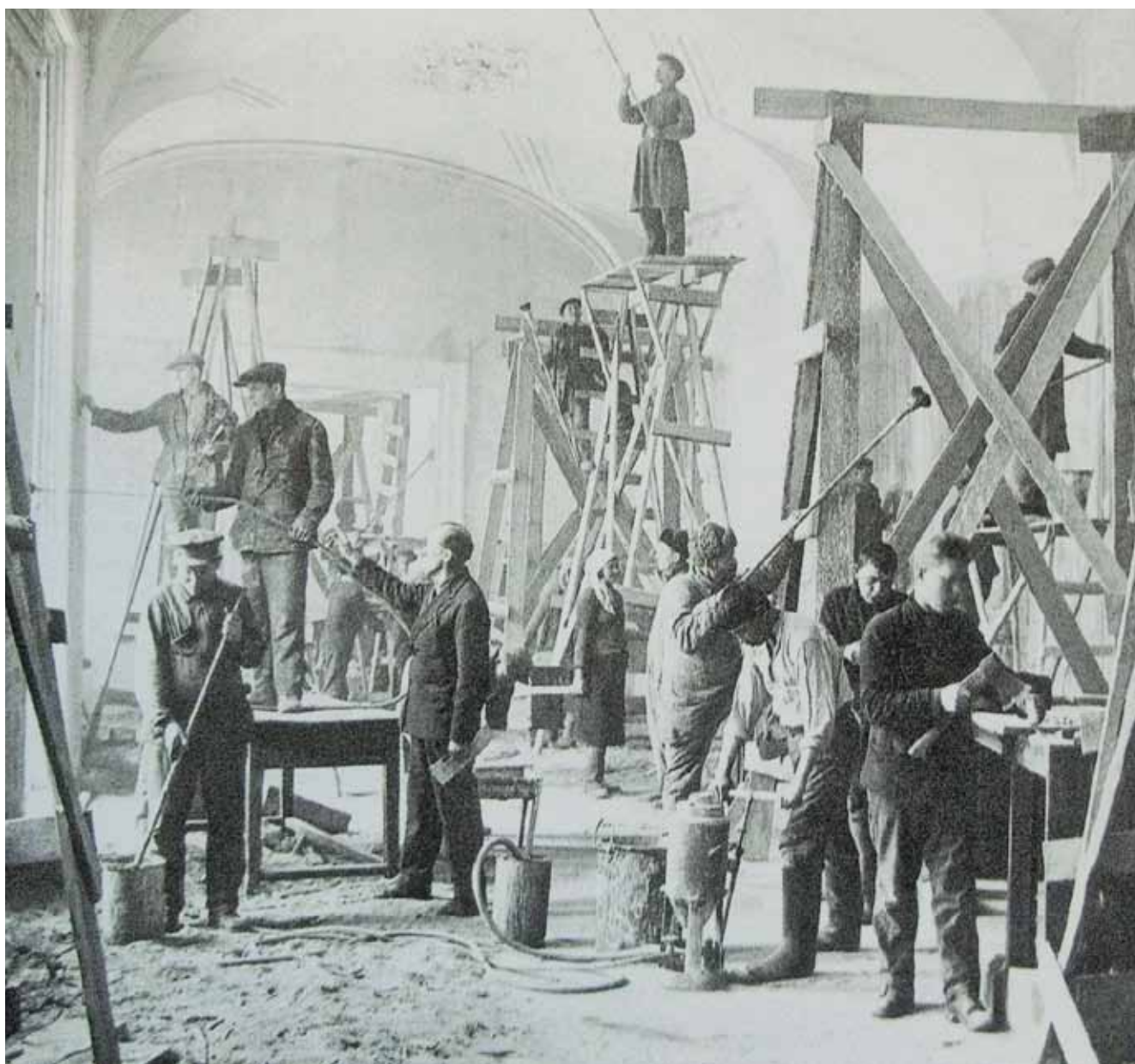
С Днем Победы!

В. К. ПОПОВА

ИННА БОРИСОВНА РЫБАКОВА

Проработала в НИМ РАХ 37 лет. Занимала должности научного сотрудника, заведующей отделом учета и хранения, главного хранителя, заместителя директора по учету и хранению.

Родилась 18 января 1941 года в Ленинграде. Инна Борисовна по-прежнему живет в той же квартире, в которой её семья прожила всю блокаду. Училась в Институте имени И. Е. Репина с 1959 по 1965 год на ФТИИ. Работать в музее начала с 1967 года.

Музей. Ремонт в «циркуле» второго этажа. 1946
Неизвестный фотограф

ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА ХОРХОРОВА

Галина Михайловна Хорхорова (в девичестве Ильенкова) работает натурщицей в Академии более 15 лет. Работы, выполненные по постановкам с её участием, неоднократно отбирались в фонд Академии и печатались в книгах. Галина Михайловна закончила рисовальные классы при Академии художеств.

Галина Михайловна
позирует в мастерской
А. К. Быстрова. Май. 2015

Картины из памяти

Родилась Галина Михайловна в Ленинграде. К моменту начала войны Галя со старшей сестрой-погодкой Женей воспитывалась тетей, бабушкой и отцом. Когда ей было полтора года, мамы не стало. В первые дни войны отец сразу ушел на фронт, тетя уехала в лагерь, организованный для жен командиров. Галина с бабушкой и сестрой перебрались на дачу под Ленинградом.

Вскоре бабушка погибла под бомбежкой. Девочек соседи отдали в детский дом. Галина попала в Ораниенбаумский детдом № 1, а Женя – в Ораниенбаумский детдом № 2. Сестер разлучили. В начале лета 1942 года вблизи детдомов начались сильные обстрелы. Было принято решение вывезти детей в Ленинград для дальнейшей отправки в эвакуацию. Галина вспоминает, что вывозили их ночью, когда обстрелы стихали.

В Ленинграде детей разместили в областном детском доме № 5 на Фонтанке. Затем в составе воспитанников сестру Женю эвакуировали в Горьковскую область (сейчас Нижегородская), а Галину вывезли в Кировскую область, где она пробыла до 1946 года. Память Галины Михайловны и сейчас рисует ряд ярких картин из дней, проведенных там. Первая из них – «Концерт».

Рядом с детдомом был военный госпиталь. Детишки готовили концертные номера для солдат. Галя рассказывала стихотворение. Её поставили на табурет, накинули на плечи большой павлопосадский платок. Галя была так мала, а платок так велик,

что концы его свисали ниже табурета. С высоты импровизированной сцены она видела вокруг глаза раненых, обращенные на неё. Одна кровать с солдатом была так близко, что солдат, протянув руку, стал перебирать бахрому платка. Галя смутилась, она итак волновалась, боялась сбиться. Недовольная этим его движением, она все же начала читать:

...Он обнял дочку: „Здравствуй, Галенька”,
Но Галенька не узнаёт,
Она с отцом рассталась маленька.
А он воюет третий год –
всё некогда увидиться,
Всё не пускала к ней война...

Галина Михайловна до сих пор хранит в сердце эти строки, и сейчас они до слез трогают душу. Она помнит ощущение маленькой девочки, каждое мгновение ждущей возвращения отца.

Дочитав строки стихотворения, Галя, оглядевшись, увидела те же глаза, но теперь они были наполнены слезами. Посмотрев на солдата, мешавшего ей сосредоточиться, она почувствовала глубокую жалость и сострадание к его беззащитным слезам.

Вторая картина из памяти девочки Гали – «Победа».

Детский дом располагался в нескольких корпусах, которые стояли около березовой рощи, по её тропинкам водили гулять детей. Среди деревьев под склоном виднелась река. По противоположному от

Галя (справа) с сестрой, бабушкой и тетей

воспитанников берегу часто шли вереницы солдат, и долго-долго дети и военные махали друг другу руками, пока колонны совсем не пропадали из виду. Иногда от сапог уходящих на фронт поднимались столбы пыли, которые оставались в воздухе и после того, как их спин уже не было видно.

Весна в Кировской области наступает позднее, чем мы привыкли. Дети вышли на прогулку. Дорожка, ведущая к привычным тропкам для прогулок, превратилась в озеро. Дети, растерявшись, беспомощно застряли перед водяными просторами. И тут они увидели группу военных, приближающихся к ним. Вдруг взрослые радостно закричали: «Победа! Победа!». Один из мужчин поднял маленькую Галю сильными руками и стал подкидывать её вверх. Всё и вся вокруг заулыбалось, и непонятное для ребёнка слово «Победа» давало ощущение счастья и тепла. В этой неосознаваемой радости Галя подумала про отца: «Когда же он придет за мной и также подбросит в небо?». Потом слово «Победа» всё больше и больше открывало для Гали своё значение. Детей начали забирать родители, и она, в страхах и мечтах, всё думала и ждала, ждала, когда же папа заберёт её.

Картина третья «Счастье».

1946 г. В детском доме был тихий час. Галя, как почти все дети, не любила его и напросилась дежурить на кухню. Воспитанники по очереди помогали по хозяйству. Девочку посадили чистить картошку. На улице было тепло, и двери были открыты. Вокруг хозяйничали повара и поварихи в белых колпаках. Как вдруг местные деревенские мальчишки закричали с улицы: «К Ильенковой

отец приехал!» Поварихи закричали: «Беги!», но Галя от удивления не могла сообразить и продолжала сидеть. Работницы стали подталкивать девочку в спину. Она вышла на улицу, подбоченилась и стала смотреть налево, на освещенную солнцем дорогу. По ней вдалеке шел солдат в фуражке с чемоданом и рюкзаком, вокруг него скакали местные мальчишки, всё было залито тёплым светом. Мужчина приближался. Поварихи подталкивали Галю в спину, чтобы она пошла навстречу, но от волнения она упиралась пятками в землю и стояла на месте. Солдат, подойдя еще ближе, поставил на землю рюкзак и чемодан, подошел к Гале, поднял её с лёгкостью сильными руками и начал подбрасывать высоко к небу. Солнце ярко светило, медали на форме отца блестели и звенели. Галя, взлетая, смотрела вниз на лица мальчишек и думала; «Как же я высоко!!!». Это было счастье!!! Все дети проснулись и смотрели из окон. Работники кухни стояли с поварешками в дверях и улыбались. Это был самый счастливый день жизни Галины Михайловны. Затем были долгие многолетние поиски сестры, которые и сейчас не завершены.

Бывшие воспитанники детдомов поддерживают связь – устраивают вечера встреч. В праздник 9го мая они проходят колонной по Невскому проспекту под транспарантом «Детдома Ленинграда».

Подготовила Наталья ВИТКОВСКАЯ,
2 курс факультета живописи

РУАЛЬД ВУАЛЬДОВИЧ ДАЛИН

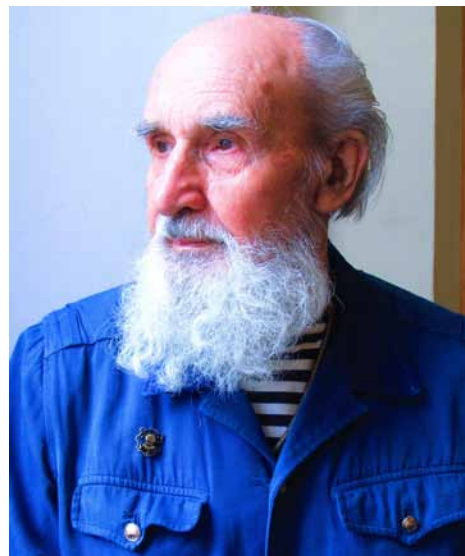
Руальд Вуальдович работает натурщиком в Академии художеств с 2006 года.

Родился в Ленинграде в 1928 году. В 1939 году был эвакуирован. Уехал вместе с матерью к отцу в Магадан. В 1946 году окончил школу. «Военные годы запомнились голодом. Многие мои родственники остались в Питере и не пережили блокады. Родной брат моего отца, дядя Миша, был инженером, сражался на Лужском рубеже, где было народное ополчение. У дяди Миши был пасынок Володя Ер-

мак. Он закрыл своим телом амбразуру и спас людей. В его честь в Коломне названа улица.» Война повлияла на выбор профессии, и Руальд Вуальдович пошел на службу в морской флот на дальнем Востоке. Будучи квалифицированным водолазом, он ходил на подводных лодках за экватор. Последние годы работал в Крыму между Феодосией и Судяком, где руководил водолажными работами.

Р. В. ДАЛИН

*Подготовила Алевтина СОСНИНА,
2 курс факультета живописи*

ВАЛЕНТИН АНАТОЛЬЕВИЧ ЗАХАРОВ

Родился в 1938 году в Псковской области. В 1941 году был эвакуирован в Башкирию близ города Уфы.

Мне было 5–6 лет, когда я был эвакуирован в Башкирию. Я помню, как по железнодорожным путям шли составы (теплушки), полные раненных солдат. В поездах было по 1000 человек с фронта. Их везли в госпитали. Они были все в крови, раненные, перевязанные, с костылями. Женщины приходили к вагонам и приносили кто что может из еды и вещей. В Уфу был эвакуирован весь Кировский завод, где мой дядя работал бригадиром, имел высокую квалификацию по сборке военной техники (6-й разряд). В Уфе производились танки и оружейная техника. В детстве было очень интересно наблюдать, как вагонами переправляли танки и оружие. Мы, мальчишки, норовили подойти ближе, забраться в танк. Тогда всё увиденное поражало и надолго осталось в памяти.

*Подготовила Алевтина СОСНИНА,
2 курс факультета живописи*

В. А. Захаров со студентами скульпторами. 2015

ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ ПАНОВ

И. Логинов. Портрет В. А. Панова. 2014

В течение 25 лет работает натурщиком в Академии. Родился в 1938 году в Ленинграде.

Летом 1941-го, как многие ленинградцы, был с родными на даче. Узнав о начале войны, мама Владимира Алексеевича собрала детей в дорогу. Отец посадил их на поезд, следовавший во Владимирскую область, – в эвакуацию. По дороге поезд попал под бомбежку. Немецкий самолет старательно вёл свои атаки, но машинист поезда сделал всё для спасения людей: где-то останавливаясь, где-то ускоряя ход. Чудом своего мастерства владения машиной он добился того, что ни одна бомба не попала в цель. Фашисту, когда его снаряды закончились, не оставалось ничего, кроме как помахать поезду рукой и улететь. Владимир Алексеевич помнит, что они тоже махали ему, когда поняли, что угроза миновала. «Машинисту поезда нужно поставить памятник», – сказал он.

В. Эклерис. Портрет В. А. Панова.
Сделан более 20 лет назад

Во время войны отец Владимира Алексеевича воевал в Ленинграде в лётной части, дед работал на Балтийском заводе, братья мамы погибли.

*Наталья ВИТКОВСКАЯ,
2 курс факультета живописи*

ЛЕОНИД КОПЕЛЕВИЧ СМУШКОВИЧ

Один из самых колоритных натурщиков Академии. Родился в 1938 г. 9 июня («Как и Пётр I», – не упускает возможность подметить Леонид Копелевич).

Учился в школе напротив академии Штиглица, как и его родители. Затем работал на заводе «Электросила», получил специальности токаря и слесаря. Пошел в армию, откуда его комиссовали из-за болезни. После чего пошел в университет на географический факультет. Океанологом избороздил все моря и океаны. Был женат два раза, со второй супругой уже 42 года вместе. Она ему и посоветовала у нас позировать, сказала, что выглядит он очень даже ничего, почему бы не попробовать.

Леонид Копелевич со студентами
живописного факультета. 2015

Так Леонид Копелевич и попал в Академию художеств, в которой работает 13-й год. Первыми мастерскими, где он работал были мастерские И. Г. Уралова и Клима Ли. Леонид Копелевич шутит: «Раньше-то они попроще были».

Леонид Копелевич производит впечатление очень интересного, умного и простого человека, у которого за спиной богатый жизненный опыт. Поэтому он пользуется успехом не только у художников академии или других учебных заведений, где учатся будущие художники, но ещё снимается в кино и очень любит рассказывать об этом. У него есть целая фотоколлекция, где Леонида Копелевича можно увидеть во всевозможных образах: от стражника до священника, в компании со звёздами кино. Он снимался у Мережко, Бондарчука, видел Депардье, Ярмольника и других артистов. У него уже 215 ролей на счету. В Великой Отечественной войне у него погиб под Сталинградом отец. Когда началась война ему было 3 года. Сначала они с братом и мамой жили в городе, потом были эвакуированы, затем

вернулись. Леонид Копелевич говорит, что было тяжело, жили по карточкам, которые у них как то украли. Брат, по словам Леонида Копелевича, такой же долгожитель, как и он. А ещё он пишет стихи, вот одно из них, посвящённое войне:

Победа в сорок пятом

Нет. Не было у нас побед
Главней победы В СОРОК ПЯТОМ!
В истории оставлен след,
Не забывать о том, ребята!
СССР в войне той спас
Планету от Чумы проклятой...
Войну мы знаем без прикрас,
Мы победили супостата.
И вспоминали мы Хатынь,
Освенцим, Пискарёвку тоже...
Блокаду; кровь, постой, не стынь,
Когда все жертвы подытожим!

3 мая 2001 г.

Подготовил Кирилл СОСНИН
2 курс факультета живописи

АНАТОЛИЙ ИЛЬИЧ МОЛОДОСТИН

Начал работать натурщиком в Академии более 30 лет назад.

Родился в 1937 году в Ленинграде, где и пробыл все годы войны.

Анатолий Ильич рассказывает, что в сентябре 1941 года жил с родными на Мичуринской улице около мечети. Начались бомбардировки. В их дом попала бомба, пройдя через все 5 этажей, она упала в подвал и не взорвалась. Жителей дома перевели жить в бомбоубежище, затем расселили по пустым квартирам. Мама Анатолия была на окопных работах и погибла там. Отец служил на кораблях на Неве, подкармливал родных выдаваемым на службе хлебом.

Анатолий Ильич помнит, как бабушка сажала его на санки, брала ведро, и они отправлялись за водой к Кировскому мосту (сейчас Троицкий мост). Бабушка умерла, – она отдавала свой хлеб внуку. Анатолия отдали в детдом, где он и вырос, оставшись там и после войны.

Подготовила Наталья ВИТКОВСКАЯ,
2 курс факультета живописи

Анатолий Ильич со студентами мастерской В. С. Песикова. 2015

**Еще раз огромное спасибо всем Вам!
Извините, пожалуйста, если кого-то забыли упомянуть.**

Безмерная благодарность и вечная память тем, кто уже не с нами.

ЖИЗНЬ АКАДЕМИИ В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ

Вторая мировая война – о ней написано и сказано столько, что иной лишний раз не рискнет писать. Война – это судьбы людей, история их личных трагедий, надломов, подвигов, из которых и сложилась Победа.

В первые дни войны многие студенты и преподаватели Ленинградской Академии художеств написали заявления с просьбой отправить их добровольцами на фронт. Однако, не все ходатайства были удовлетворены: искусство превращалось в визуальное оружие, способное поднимать боевой дух оставшихся в тылу. Агитация – не менее эффективное средство борьбы с врагом в тяжелое военное время. Художники всю блокаду создавали плакаты, которые развешивались по городу: «Смерть фашизму» Владимира Серова, «Молодежь, к оружию!» Анатолия Казанцева и др. Сейчас они не только правдиво рассказывают нам о буднях 1940-х годов, но и демонстрируют высокий уровень мастерства авторов. Помимо этого, художники делали и бытовые зарисовки окружающей действительности, понимая, что для последующих поколений они станут бесценными документами ушедшей эпохи. Вячеслав Пакулин в мирное время не интересовался городскими пейзажами, но в годы войны он считал своим долгом каждый день выходить с мольбертом на улицы даже во время бомбежек. Трудно представить условия, в которых он рисовал: красок было мало, на морозе они замерзали, да и постоянный голод не способствовал творчеству. Однако, глядя на

«Дом Книги» или «Адмиралтейство», мы ощущаем внутреннюю силу художника и надежду на скорые перемены. А после того, как в 1942 году запретили фотосъемку, только живописные холсты являются молчаливыми свидетелями суровых дней.

Не переставали работать мастера и в самой Академии. В декабре 1941-го почти все переселились в подвалы здания, чтобы не тратить время на дорогу из дома. Сейчас сложно представить, но у них не возникало даже мысли о том, чтобы бросить работу или учебу! Занятия продолжались, продолжалась и сама жизнь. На случай бомбежек были сделаны подробные зарисовки исторических залов, чтобы потом восстановить их в первоначальном виде. Шедевры музейной коллекции бережно сняли с подрамников и приготовили к эвакуации. Работы студентов, хоть и приобрели определенную военную тематику, по-прежнему отличались мастерством. Проводились выставки: так, один из Новых годов сотрудники встретили за накрытым столом: на нем были расставлены картины, изображавшие фрукты, овощи, хлеб и мясо. Праздник, по воспоминаниям очевидцев, удался на славу. Были открыты для публичного посещения многие экспозиции (например, выставка дипломных работ), они пользовались неизменным интересом среди жителей блокадного города. Страдающие дистрофией, обессиленные, падающие в обморок, в день приходили не менее 10 человек! Академия художеств для многих людей в годы войны стала единственным местом пребывания: здесь жили,

Партизанский отряд в Круглом дворе Академии художеств.
15 сентября 1941. Фото С. Г. Гасилова

Огороды в круглом дворе Академии художеств. 1944. Фото С. Г. Гасилова

работали и творили. Показателен в этом отношении пример плодотворного сотрудничества с «Окнами ТАСС»: поступившую сводку с фронта требовалось немедленно перевести на язык плаката и сдать в типографию; в 1942–1943 годах вся Академия работала на этом поприще. Настоящим подвигом можно считать деятельность Владимира Фролова, создававшего мозаики для Московского метрополитена. Он отказался уехать в эвакуацию, когда руководство страны прекратило оформительские работы, и закончил мозаику, отправив ее с последним кораблем в сезоне навигации в Москву. Фролов боялся, что его труд может затеряться в годы войны. На дворе стоял январь 1942 года, а в начале февраля художник умер от истощения. Но до сих пор его творение украшает московскую станцию «Новокузнецкая».

Интересны и бытовые подробности жизни Академии в военное время. В круглом дворе был создан особый учебный пункт, где в летнее время проходило обучение будущих фронтовиков: их регистрировали, выдавали походный набор, проводили инструктаж и отправляли на войну. Сначала в академическом саду, а затем и во внутренних двориках были разбиты огороды, приносившие скудный, но урожай, спасший много жизней. Сотрудники принимали активное участие и в общественной жизни города. Так, на базе Академии в 1942 году прошло заседание Государственной Инспекции по охране памятников по вопросам сохранения архитектурных сооружений и художественных ценностей в условиях войны и блокады. Как следует из протокола, было принято решение о закрытии дощатыми футлярами скульп-

турных групп на улицах города с их последующей эвакуацией. Всю блокаду в Академии действовала команда по охране порядка. Сотрудники выходили на улицы города и стремились не допустить грабежей, мародерства и убийств, то есть пытались придать ритму жизни обычное, мирное течение. Вскоре после начала блокады в здании был открыт пункт для последующей эвакуации жителей Ленинграда. Собиравшиеся в группы граждане находили в Академии временный приют, где могли отдохнуть перед трудной дорогой. Одним из эвакуированных был график Соломон Юдовин: по дороге он не переставал делать карандашные зарисовки, которые в 1944 году превратились в цикл гравюр «Ленинград в годы Великой Отечественной войны». На одной из них – «В мастерской художника» – изображен его коллега в учебной мастерской Академии, греющий левую руку у печки-буржуйки, правой он тем не менее держит палитру, продолжая жить в мире Искусства.

Вторая мировая война унесла жизни миллионов. Трагически погибли и многие сотрудники Академии художеств: кто-то умер в блокадном Ленинграде, кто-то не вернулся с фронта. Несозданными остались тысячи картин и скульптур. Но даже в самые тяжелые времена в Академии теплилась жизнь, творились шедевры. Художники не могли иначе: ведь именно Искусство является смыслом жизни для каждого, кто переступает порог здания на Университетской набережной 17. Так было, есть и будет. Всегда.

Екатерина БОРЗОВА
студентка 2 курса ФТИИ

РАБОТА АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

ВОСПОМИНАНИЯ А. А. ПОЧИНКОВА, ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ФТИИ

Когда в июне 1941 года началась война, мало кому в Ленинграде приходила в голову мысль, какие тяжелые переживания суждено перенести нашему городу. Академия в октябре 1941 года должна была начать работу со студентами всех факультетов в Ленинграде. Условия работы в Академии в этот период были очень тяжелыми: с 8 сентября 1941 года начался обстрел города с немецких аэропланов, сбрасывание разрывных и зажигательных бомб на дома; тогда же был произведен большой немецкий десант около станции Лигово Балтийской железной дороги с самолетов; в городе был резко снижен провизионный паек – одним словом, для ленинградцев начались тяжелые, мучительные дни...

В Музее Академии и в ее огромной библиотеке в конце лета и осенью 1941 года шла энергичная и напряженная работа – огромные полотна-копии с рафаэлевских фресок (гордость нашего академического музея!) свертывались после осторожного снятия со стен в рулоны и уносились в нижний этаж Академии; гипсовые тяжелые статуи поворачивались лицами к стене, чтобы в случае разрыва бомбы не повредились осколками лицевая часть памятника. Наиболее ценные книги уносились из библиотеки в подвалы. Работа шла самым напряженным темпом. Трогательно было видеть, как эти полуголодные, полубольные люди ревностно заботятся о сохранности ценного художественного имущества дорогой их сердцу Академии...

Преподавательская работа на всех факультетах Академии была начата в октябре 1941 года, и преподавание шло до конца осеннего семестра 1941–1942 гг. Лекции нередко прерывались воздушными тревогами при налетах аэропланов, артиллерийскими обстрелами города, погасанием электричества. На нашем искусствоведческом факультете я вел осенью курс раннехристианского и ранневизантийского искусства. При тревогах не разрешалось оставаться в аудиториях, я и студенты спешно перебежали в бомбоубежище Академии. Так вот, в этих подвалах очень нередко и шли наши лекции по моему предмету; мы захватывали из аудитории книги с иллюстрациями и занимались там, внизу. Когда же в Ленинграде в начале декабря 1941 года электричество перестало подаваться совсем, осенний же семестр почти закончился, лекции были прекращены. С трогательным чувством вспоминаю я о тогдашних моих слушательницах (юношей почти не было среди учащихся – все они отправились на войну) – они приходили в Академию пешком (трамваи уже не ходили тогда) – издалека, от Октябрьского вокзала и дальше, без твердой уверенности, что наши лекции состоятся. Эти слушательницы – тт. Ковалева, Дервиз, Раздольская, Ильяшевич и др. Они закончили в 1948 году Академию и поступили

на работу в пределах Ленинграда. За всю педагогическую работу в вузах, свыше 30 лет, у меня ни о ком из слушателей не осталось такого благоговейно-теплого воспоминания, как об этой небольшой и дружно сплоченной группе.

Стекла почти во всех помещения Академии в большинстве были выбиты разрывами бомб, частично заделаны фанерой, в комнатах была полная темнота, и без электрического света нельзя было заниматься. Столовая Академии по понятным причинам работала очень плохо. Обычно давали «суп» с 2–3 макаронинами на дне; редко и по особым талонам выдавали небольшие мясные котлетки. О масле и молоке мы забыли и думать... Мне на лекции и – по завершении чтения – в столовую Академии приходилось ходить с места моего жительства на Петроградской стороне, конечно, пешком. Под конец, к февралю 1942 года, я еле передвигал ноги – они распухли от дистрофии, и по вечерам я их с трудом вытаскивал из валенок. Жуткими тогда были эти «путешествия» с Петроградской стороны через Тучков мост до Академии художеств.

Я быстрыми шагами двигался по пути к смерти и не боялся ее, так как осознавал ее полную неизбежность. Быстро слабели мои силы, ослабевала память, слабело зрение, до сих пор очень острое у меня, появились опухоли и отеки на теле, мучительные нарывы на коже. Спасло меня неожиданное открытие при Академии художеств «стационара» для поддержания сил преподавательского и научного персонала. Помещались туда и некоторые очень ослабевшие студенты. Я попал в стационар 2 февраля 1942 года и пробыл там до самого отъезда Академии из Ленинграда, то есть до 19 февраля. Теперь я прекрасно осознаю, что только это и избавило меня от неминуемой гибели. До сих пор я с глубокой благодарностью вспоминаю теплое ко мне отношение профессора А. И. Сегала, исполнявшего тогда обязанности директора Академии; именно он направил меня в этот стационар, находившийся в нижнем этаже здания Академии на углу набережной и 3-й линии. Еще ниже, в подвале здания в нескольких комнатах было устроено общежитие для профессуры и преподавателей Академии, у кого бомбежкой были серьезно повреждены квартиры. Стационар находился под опытным наблюдением т. Б. Н. Бурда. Кормили там хорошо – каждый день было мясо, масло, сахар, белый хлеб; два раза в неделю давалось легкое вино – и все это сильно подкрепило мою исчезающую жизнеспособность. На моих глазах в этом стационаре скончался профессор И. Я. Билибин, там же был профессор Наумов, скончавшийся через несколько дней после ухода из стационара домой. Из преподавательского персонала в январе и феврале 1942 года в домах своих

скончались многие: А. И. Боргман, В. Ф. Белявская, профессор Гевриц и другие.

В стационаре по вечерам, в послеобеденное время, около круглой чугунной «буржуйки» собирались все находившиеся там лица, и кто-нибудь по очереди делился своими воспоминаниями или сообщениями: профессор Б. А. Форгель – по Италии, профессор С. К. Исаков читал отрывок из своего большого труда по истории Академии художеств в XIX веке, профессор Б. Л. Богаевский делился своими воспоминаниями о путешествии по Греции. Все попавшие в стационар после 2 февраля 1942 года были оставле-

ны там до момента отъезда Академии из Ленинграда в Самарканд. Надо было по возможности поддержать ослабевшие силы работников Академии перед тяжелыми днями длительного переезда.

*Отрывки из книги «Научные работы. Воспоминания. Стихотворения»
А. А. Починкова (1877–1955),
профессора Института имени И. Е. Репина,
искусствоведа, педагога, библиофила*

*Подготовила Наталья ВИТКОВСКАЯ,
2 курс факультета живописи*

СТАТЬИ ИЗ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ГАЗЕТЫ «ЗА СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ» ЗА 1945 ГОД

ПЕРЕДОВИКИ В БОРЬБЕ, УЧЕБЕ И ТРУДЕ

Война победоносно завершена.

К нам вернулись многие товарищи, ушедшие из Академии на фронт с первых дней войны. Эти люди сами обеспечили себе своими ратными подвигами возможность заниматься любимым искусством.

Среди нас опять наши старые товарищи: кавалер ордена Славы Рая Зенькова, орденосец А. Васильев, ученик Средней Художественной школы орденосец Н. Яковлев, бывший партизан Т. Шевченко, участники Отечественной войны Медовиков, Четоровский, Ершов, Бургулов, Крылов, добровольцы-санитарки Иванова, Озерова и другие.

Среди профессоров и преподавателей Академии также много непосредственных участников Отечественной войны. Добровольцами ушли на фронт профессор А. Д. Зайцев, профессор М. К. КARGER, доцент В. Л. Анисонич, доцент С. В. Коренкевич, ассистент М. К. Бенуа. Теперь все они вновь в наших рядах.

В числе принятых в этом году студентов – участники Отечественной войны тт. Бремин, Дарьин, Волков, Палежа, Кутузов; студенты архитектурного факультета тт. Тимашков, Сысоев, Беляев, Толстов и другие. Все они имеют правительственные награды.

Среди нас немало и людей, прекрасно проявивших себя на трудовом фронте, перенесших вместе с Академией все трудности блокады Ленинграда и эвакуации.

Много сделала для сохранения личного состава студенчества и профессорско-преподавательских кадров заместитель директора Академии т. А. С. Готлиб.

Оставшиеся в Ленинграде директор Института Академии В. Ф. Твелькмейер, хранитель музея доцент Г. Г. Гримм, директор библиотеки Ю. П. Алехнович, сотрудник музея А. А. Белогруд, зав. складом Е. Е. Заровский, зав. архивом

В. Л. Штейншмидер и другие сохранили в неприкосновенности ценности Академии, укрыли их от бомбежек и обстрелов.

Не один десяток членов нашего коллектива удостоен правительственной награды – медали «За оборону Ленинграда».

Коллектив Академии принимает непосредственное участие в восстановлении Ленинграда и его пригородов, многое сделано по восстановлению и самого здания Академии Художеств.

Двадцать семь студентов удостоены почетного права получать стипендию имени товарища Сталина. Это – отличники учебы, хорошие общественники, талантливые живописцы тт. Табакова,

Студентка живописного факультета,
кавалер ордена Славы снайпер Р. Д. Зенькова

Дипломник живописного факультета, Сталинской стипендиат, участник Отечественной войны В. Соколов

Руднищева, Мыльников, Подковырай, Соколов, Барabanчиков, Зуев, Иванов, скульптор-дипломник Рыбалко, искусствоведы гг. Чистякова, Родионов.

Следует отметить также студентов-отличников: репинского стипендиата Пен-Верленц (живописный факультет), Тимченко, Сламова (скульптурный факультет), Ольшевскую (архитектурный факультет), Бутлер, Маслову (факультет истории искусств) и других.

Мы можем отметить ряд лучших профессоров, преподавателей, служащих и студентов, отдавших, каждый на своем участке, много сил и энергии работе, умеющих совместить свою производственную и учебную работу с полезной общественной деятельностью. К числу их следует отнести, в первую очередь, представителей профессорско-преподавательского состава: декана архитектурного факультета профессора М. И. Рославлева, заместителя декана архитектурного факультета преподавательницу Н. И. Сержникову, заведующую кафедрой марксизма-ленинизма Е. Л. Зельманову, зав. кафедрой иностранных языков старшего преподавателя Н. Л. Вишневскую, профессора Н. Д. Флиттнер, доцента С. М. Хозацкого, заведующего учебной частью доцента С. В. Приселкова, заведующего кабинетом истории искусств доцента А. А. Починкова, доцента С. Я. Турковского, аспиранта П. И. Ивановского, преподавателя Средней Художественной школы М. Я. Перепелкину.

Задачи, стоящие перед нами, велики. Сделано многое, но еще больше предстоит совершить в ближайшем будущем.

ПАРКИ ПОБЕДЫ

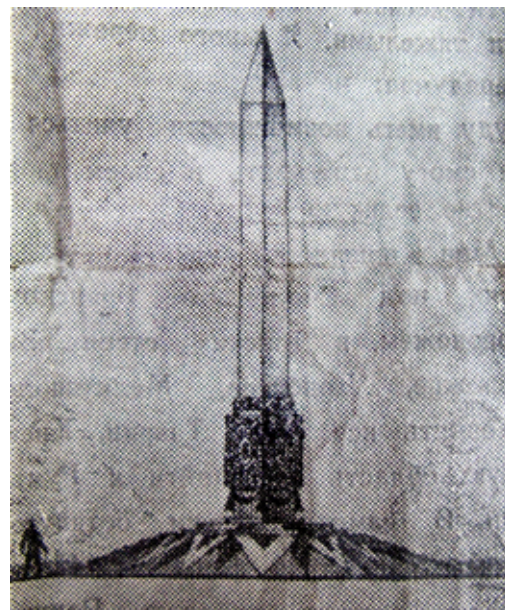

По древнему русскому обычаю в честь великих событий или в честь победы обычно сажали дерево, а иногда и целый сад.

На мою долю выпала большая честь быть автором проекта Парка Победы в Московском районе и руководить его осуществлением в натуре. Это самая ответственная работа в моей жизни, ибо Парк Победы – не обыч-

ное строительство, а памятник, созданный тысячами патриотов и призванный выразить силу и величие нашего народа, ознаменовать радостную годовщину окончания величайшей из войн.

При закладке парка на обелиске была прибита памятная доска, на которой золотыми буквами написано:

Обелиск в честь закладки Парка Победы Московского района. Автор-архитектор В. Д. Кирхоггани

«В эпоху Великого Сталина 7 октября 1945 г. трудящимися Ленинграда заложен Московский «Парк Победы» в честь исторической победы Советского народа над Германией и Японией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

Проектирование Московского Парка Победы велось в архитектурно-проектировочной мастерской Управления по делам архитектуры, руководимой профессором Е. И. Катониным и при постоянном руководстве со стороны главного архитектора города т. Н. В. Баранова. В работе принимали участие сотрудники мастерской – архитекторы тт. Всеволожская и Вихрева.

Главная аллея – «Аллея Победы», ведущая от Московского шоссе в глубину парка, будет обсажена деревьями, стриженными в форме шара и куба, и будет иметь много цветочных газонов, фонтанов и декоративной скульптуры, отображающей тему победы. Завершается аллея большим монументом победы.

Наша задача – задача воспитанников Академии и авторов проекта – создать проект, достойный парка Победы, и полностью осуществить его в натуре в кратчайшие сроки.

В. Д. КИРХОГЛАНИ
аспирант Академии художеств

ПАМЯТНИК ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Величайший духовный подъем среди широких масс трудящихся нашего города-героя, вызванный блистательным завершением Великой Отечественной войны, нашел свое воплощение в пафосе мирного труда.

Трудно представить себе более удачное осуществление идеи создания памятника эпохи великого Сталина, чем использование форм вечно живой природы.

Я испытываю чувство радости, что высокая честь исполнения ответственного задания по проектированию парка выпала на мою долю, и чувство благодарности к воспитавшей меня школе Всероссийской Академии Художеств.

Мне представляется, что выражение основной темы парка, его идеологического содержания было бы скомпрометировано в случае игнорирования природных возможностей территории острова. Поэтому все мои усилия и усилия сотоварищей по работе (также питомцы Академии – архитекторы тт. Медведев и Михайлов) будут в дальнейшем направлены к нахождению связи с природной средой, которая уже сейчас обладает исключительными качествами.

Доцент В. В. СТЕПАНОВ

МЫ ГОРДИМСЯ СВОЕЙ РОДИНОЙ (письма юных художников-фронтовиков)

Эти письма адресованы директору Средней художественной школы Академии Художеств В. А. Горбу. Авторы писем – воспитанники школы, участники Великой Отечественной войны. Находясь в рядах Красной Армии, они по-прежнему любили искусство и помнили о родной для них школе.

...О своем пребывании в СХШ у меня самые лучшие воспоминания, это для меня самая дорогая пора юности. Именно юности, т.к. вообще-то в мирной обстановке я и не жил еще. Война заняла это время. Но на войну я особенно не обижен, да и не следует. Кроме того, что она – генеральная проверка человека, она еще дала много нового.

Тут узнаешь человека во всех его состояниях, много приходилось передвигаться, много пришлось увидеть чужих земель и людей. А это не вредно, я думаю.

Одно жаль, приходилось все больше запечатлевать в памяти, а не на бумаге. Работы было много, а людей не хватало. Если и бывало свободное время, то всегда ночью, а ночью усталый много не сделаешь.

Пока все пройденное и увиденное свежо в памяти, я стараюсь восстановить его на бумаге. Помню Ваши советы и руководствуюсь ими, но сами понимаете, без посторонней критики работать не очень легко. Как хочется снова побывать в Ленинграде! А насчет желания учиться, так слов нет выразить это желание.

Сергей СПИЦЫН,
полевая почта № 43643

...Вас, конечно, интересует, занимался ли я в эти годы живописью, так как когда-то ведь я жил искусством. Скажу Вам откровенно, что первые годы, т.е. 1941–1942 гг., я много рисовал с натуры, делал пугавые наброски, пробовал писать даже эскизы. Душа художника требовала этого. Но все это было между делом. Основное было – война, защита Родины.

Я – офицер, командовал ротой тяжелых танков. Времени свободного совершенно не было, к тому же почти год не действовала рука. Эти месяцы были для меня самыми тяжелыми. Я много пережил и передумал: не-

ужели я больше не буду иметь возможности учиться и не смогу отобразить в своем творчестве великую битву.

Мне пришлось участвовать в боях под Смоленском, Брянском, Воронежем, в Донских степях, Запорожье, Донбассе, Мелитополе, объездить все степи Таврии, Киевскую область и подойти к Румынии. В памяти навеки останутся ужасы нашествия фашистов. Испытываю гордость за свою Родину, за свой народ-победитель.

Сейчас я много думаю об искусстве, живописи и о том, как мне много учиться, учиться. Мечтаю об учебе в Академии. Стать художником – цель моей жизни.

ЕРЕМИН,

Орденосеи, инвалид Отечественной войны.

Советские войска вошли в Берлин.

Композиция учеников Средней Художественной школы Л. Мочалова И. Пентешина и Г. Френца.

ПРАЗДНИК ВСЕГО НАРОДА

Немало положили сил работники искусств, мастера-художники для общей победы. Мы вспоминаем ушедшие в историю дни борьбы, когда художники образами своих плакатов звали на бой и призывали к самоотверженному труду людей, для которых самым святым словом было слово – Родина.

Художники в дни войны разили врага острием своих карикатур. Запечатлевали в своих фронтовых блокнотах боевые дела, создавали галереи портретов героев Великой Отечественной войны.

Всё это делали художники на фронте и в тылу. Ленинградские художники работали и творили под артиллерийским обстрелом и бомбежкой слабеющими от голода руками.

Все, что накоплено художниками – участниками великих событий, – драгоценный клад и вечный источник для вдохновенного творчества. Многие небольшие заметки и первые попытки образного выражения этих событий останутся

неповторимыми и значительными как свидетельства современников.

Восстановление разрушенных памятников искусства, заживление тяжелых ран, нанесенных врагом, строительство новых городов, создание больших произведений искусства о нашей великой борьбе – все это требует напряжения всех наших творческих сил.

Трудиться в искусстве, быть настоящими мастерами искусства – наша священная обязанность, наш долг перед народом, любовно оберегавшим искусство в тяжелые дни войны.

Мы знаем, что путь к настоящему искусству идет через овладение мастерством, через большой и упорный труд.

Будем же трудиться и творить во славу великой Родины!

Слава нашему могучему советскому народу!

Подготовила Наталья ВИТКОВСКАЯ,
2 курс факультета живописи

Содержание

Наши ветераны	3
Мы видели войну	18
Дети войны	28
Работники НИМРАХ	39
Наши натурщики	44
Жизнь Академии в военное время	49

«Академическая газета» за май 2015 г.
говорит Вам до свидания!

Нам хотелось бы издавать «Академическую газету» и дальше! К сотрудничеству приглашаются все желающие. Следующий выпуск может быть свободной тематики, предлагайте свои идеи. Смелее!

Газета ждет Ваших предложений по адресу:
akademicheskaya.gazeta@yandex.ru

Заседание редакционной коллегии
академической стенной газеты «За социалистический реализм».
1950, март. Фото Г. Н. Савина

Редактор-составитель номера
Наталья ВИТКОВСКАЯ,
2 курс факультета живописи

Благодарим авторов статей; студентов, собравших материалы,
а также Наталью Николаевну ПОПОВУ;
Ларису Владимировну СУВОРОВУ;
Светлану Васильевну СВЕТИК;
Снежану Вячеславовну АЛЕКСЕЕВУ,
Елизавету Михайловну ЕЛИЗАРОВУ
Владимира Вячеславовича ЗАГОНЕКА
за помощь при создании номера

Подписано в печать 22.04.2015. Тираж 150. Заказ 638
Отпечатано в издательско-полиграфическом отделе
Института имени И. Е. Репина